

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НАЙО

МАРШ

ОДНАЖДЫ В РИМЕ

Родерик Аллейн

Найо Марш

Однажды в Риме

«АСТ»

1970

УДК 821.111-312.4(931)
ББК 84(8Н03)-44

Марш Н.

Однажды в Риме / Н. Марш — «АСТ», 1970 — (Родерик
Аллейн)

ISBN 978-5-17-111052-9

Кто убил преуспевающего владельца туристического бюро и тайного наркодилера Себастьяна Мейлера, чье тело было обнаружено в колодце старинной римской базилики? Местная полиция полагает: к его смерти причастны конкуренты или партнеры по криминальному бизнесу. Однако знаменитый инспектор Скотленд-Ярда Родерик Аллейн, уже успевший присмотреться к компании богатых туристов, которых Мейлер недавно знакомил с красотами Рима, уверен: все далеко не так просто...

УДК 821.111-312.4(931)

ББК 84(8Н03)-44

ISBN 978-5-17-111052-9

© Марш Н., 1970

© АСТ, 1970

Содержание

Глава 1. Барнаби в Риме	6
Глава 2. Экспедиция подготовлена	16
Глава 3. Суббота, двадцать шестое	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Найо Марш Однажды в Риме

Ngaio Marsh
When in Rome

© Ngaio Marsh Ltd., 1970

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Глава 1. Барнаби в Риме

I

Барнаби Грант разглядывал этрусских супругов, непринужденно возлежавших на своем ложе-саркофаге, и гадал, почему они умерли столь молодыми и скончались ли они, как веронская пара, вместе. Их нежные губы, думал он, тронутые улыбкой удовольствия, готовы изогнуться уголками вниз в улыбке Аполлона и Гермеса. Как они исполнены покоя и как загадочно похожи. Что хотела сказать она жестом своих крупноватых рук? Как трогательно покоилась на ее плече его ладонь.

– ...из Черветери, – заученно проговорил гид. – Пятьсот тридцать лет до Рождества Христа.

– Господи! – с некоторым изнеможением пробормотал турист.

Группа двинулась дальше. Грант некоторое время постоял возле памятника, а затем, уверенный, что ничего больше не желает видеть этим утром, покинул виллу Джулия и взял такси до пьядца Колонна, где решил выпить пива.

II

Сидя на пьядца Колонна за уличным столиком, Барнаби думал об этрусской улыбке и прислушивался к раскатам грома.

В полуденном небе страшно грохотало, но ни одной молнии видно не было, их скрывал черный полог низкой набухшей тучи. В любой момент, подумалось Барнаби, колонна Марка Аврелия проткнет ее, и она, подобно «гнилому бурдюку»¹, прольет свои воды.

На столике перед ним стояли стакан и бутылка с пивом. Свернутый макинтош был перекинут через спинку стула, а под столом, у ноги Барнаби, стоял запертый кейс. Барнаби поминутно опускал левую руку на чемоданчик и ощупывал его. Успокоенный этим соприкосновением, он расслаблял напряженно поджатые губы, медленно прикрывал глаза и откидывал со лба прядь черных волос.

«Как же это некстати, – размышлял Барнаби. – Как некстати».

Над головой снова грянул тяжелый раскат грома. «Гроза слева, – подумал Барнаби. – Боги гневаются на нас».

Он снова наполнил стакан и огляделся.

Уличное кафе обычно бывало переполнено, но сейчас, из-за угрозы ливня, многие посетители ушли, и официанты переворачивали стулья. Однако по обе стороны от Барнаби столики были еще заняты: справа сидели трое мрачных молодых людей, бдительно сжимая в загрубелых руках свои стаканы, и неторопливо выпивали, искоса поглядывая по сторонам. «Деревенские парни, – подумал Грант. – Они явно чувствуют себя скованно, а вскоре придут в ужас от суммы счета». Слева расположилась влюбленная римская парочка. По закону им было запрещено целоваться в общественном месте, поэтому они сидели, тесно прижавшись, пристально смотрели друг на друга и обменивались дрожащими улыбками. Молодой человек провел пальцем по красивым губам девушки. Они в ответ шевельнулись. Барнаби невольно загляделся на влюбленных. Молодые люди не замечали ни его, ни, собственно, ничего вокруг, но при очередной яростной вспышке молнии пришли в себя и повернули лица к Барнаби.

¹ У. Шекспир, «Буря», акт II, сцена 2. Пер. М. Донского.

Именно в тот момент, как вспоминал позже Грант, он увидел вдалеке, словно в раме из силуэтов их отстранившихся друг от друга голов, мужскую фигуру.

И сразу же понял, что это англичанин. Возможно, из-за его одежды. Или, точнее, из-за пиджака. Тот был потерт и немодного покроя, но шит – хотя, вероятно, не для его нынешнего носителя – из твида, сотканного на юго-западе Англии. А потом – галстук. Обтрепанный и выцветший, в жирных пятнах и потерявший форму: едва узнаваемый, но, если присмотреться повнимательнее, недешевый, благородный. В остальном его одеяние было неряшливым и непривлекательным. Шляпа мужчины, из порыжелого фетра, была явно итальянской. Низко надвинутая на лоб, она бросала тень на переносицу, на лицо, самой примечательной чертой которого была чрезвычайная бледность. Губы, однако, были красными и довольно полными. Полдень стал настолько сумрачным, что Барнаби едва ли разглядел бы прятавшиеся в тени глаза мужчины, если бы не короткая вспышка молнии. Грант почему-то вздрогнул, когда осознал, что они очень светлые и устремлены на него. В небе грянул гром. Черный полог прорвался, и на землю хлынул потоп.

Началось паническое бегство. Барнаби схватил мокрый плащ, с трудом натянул его и накинул на голову капюшон. По счету он еще не расплатился и стал шарить по карманам в поисках бумажника. Тем временем трое сельчан бросились в его сторону, и между ними и юной парой произошла какая-то размолвка. Барнаби не нашел ничего меньше банкноты в тысячу лир. Он повернулся, поискал глазами официанта и обнаружил, что весь персонал укрылся под парусиновым навесом. Обслуживавший Барнаби парень заметил его, жестом выразил отчаяние и отвернулся.

– Aspetti! – закричал Барнаби, вспоминая фразы из разговорника и размахивая тысячелировой бумажкой. – Quanto devo pagare?²

Официант сложил руки, как в молитве, и возвел к небу глаза.

– Basta!

– ...lasci passare...

– Se ne vada ora...

– Non desidero parlare.

– Non l'ho fatto io...

– Vattene!

– Sciocchezze!³

Ссора между влюбленным парнем и сельскими жителями разгоралась. Теперь они уже кричали друг на друга за спиной у Барнаби. Официант, все так же жестами, указывал на небо, дождь и выражал собственную беспомощность.

«Ну, я-то все же в плаще», – подумал Грант. И в тот же миг кто-то врезался в него сзади, и Барнаби плащмя рухнул на стол.

Полный хаос сопровождался вспышками молний, раскатами грома и потоками ливня. Барнаби обо что-то порезал руку, и носом шла кровь. Воюющие стороны исчезли, но его официант, вооруженный теперь громадным оранжево-красным зонтом, что-то лопотал над Грантом и безуспешно пытался оказать ему помощь. Остальные официанты, сбившись в кучку под навесом, играли в развернувшемся действе роль хора.

– Poverino!⁴ – восклицали они. – Какое несчастье!

Барнаби выпрямился. Одной рукой он вытащил из кармана носовой платок и прижал к носу, другой протянул официанту окровавленную и промокшую от дождя банкноту в тысячу лир.

² Подождите! Сколько с меня? (*итал.*)

³ Хватит! – ...дайте пройти... – Я сейчас уйду... – Я не хочу говорить. – Это не я сделал... – Убирайся! Дурак! (*итал.*)

⁴ Бедняжка! (*итал.*)

– Вот, – сказал он на примитивном итальянском. – Сдачу оставьте себе. Мне нужно такси.

Официант что-то воскликнул с видимым удовольствием. Барнаби резко сел на стул, сиденье которого превратилось в лужу. Официант вставил, по сути, уже не нужный зонт в углубление в середине стола, что-то неразборчиво произнес, поднял воротник своей белой куртки и бросился в кафе. Чтобы вызвать по телефону такси, с надеждой предположил Грант.

Дождь овладел пьядца Колонна. Огромные массы воды топили улицу и тротуары и били струями с крыш автомобилей – это походило на еще один сложный римский фонтан. Не считая редких, стремительно бегущих пешеходов, тротуары были пусты. Съежившись, Барнаби Грант, одинокий и нелепый под оранжево-красным зонтом, вытирал расквашенный нос, привлекая скептические взгляды. Официант куда-то запропастился, а его товарищи завели между собой один из тех непостижимых итальянских разговоров, с виду похожий на ссору, но очень часто заканчивающийся похлопыванием по спине и хохотом. Барнаби так и не понял, как долго он просидел под зонтом, прежде чем сделал страшное открытие, когда его левая рука привычно опустилась вниз и натолкнулась на пустоту...

Потом Грант вспоминал, что ему было страшно наклонить голову и посмотреть вниз – и не увидеть ничего, кроме железной ножки стула.

Дальнейшие ощущения, думал он впоследствии, можно было сравнить с тем, что испытывает тонущий человек. Потому что невероятный поток мыслей затопил его мозг. Барнаби подумал, например, о том, как долго он писал эту книгу, что она, бесспорно, лучшая из всех его работ и таковой, возможно, и останется. Он припомнил, как его агент однажды заметил, что опасно писать от руки, не делая копий. Каким же одиноким чувствовал он себя в Риме, практически не говоря по-итальянски, и при этом не потрудился воспользоваться своими знакомствами. Ему вспомнилось, неточно – чье высказывание? Сэра Исаака Ньютона? «О, Даймонд, Даймонд, ты не понимаешь, что натворил!»⁵

Грант подумал о невыразимой, ужасающей перспективе какого-то противодействия ошеломляющему, безысходному отчаянию его потери – глубинному ужасу самого события, из-за которого в груди словно толкался гидравлический таран. В голове застыла классическая фраза: «Я погиб». И он едва не выкрикнул ее.

И тут появился официант, притворно улыбающийся и торжествующий, а у обочины остановился конный экипаж с громадным зонтом для защиты сидений, голову возницы прикрывало что-то вроде матросской шапки.

Грант попытался сообщить о своей потере. Он показал на то место, где стоял кейс, помогая себе мимикой и жестами, затем выхватил разговорник и принялся судорожно его листать.

– Но *perduto*, – нашел нужные слова Барнаби. – Но *perduto mia valigia*. Он не у вас? Мой чемоданчик? *Non trovo. Valigia*⁶.

Официант вскрикнул и глупо заглянул под стол и обвел взглядом затопленные водой окрестности. Затем бросился под навес и встал там, глаза на Барнаби и всем своим видом выражая недоумение.

Барнаби подумал: «Вот оно. Со мной никогда не случалось такой беды».

Возница мелодично позвал его, заставив тем самым очнуться и принять решение. Барнаби посмотрел на окружавшую его пустыню и забрался в экипаж.

– *Consolato Britannico!*⁷ – крикнул Грант. – О господи! *Consolato Britannico*.

⁵ По легенде, ученый обратился к своему питомцу с этой фразой, когда его пес по кличке Даймонд опрокинул свечу – и в результате сгорели записи об экспериментах, проводившихся в течение двадцати лет.

⁶ Я потерял. Я потерял свой чемоданчик. Не нахожу. Чемоданчик (*итал.*).

⁷ Британское консульство! (*итал.*)

III

– Вот что я вам скажу, – проговорил консул, будто информация требовалась Барнаби Гранту, – это неприятное дело, знаете ли. Неприятное.

– Это вы мне говорите, мой дорогой консул?

– Именно. Именно. Итак, подумаем, что можно сделать, не так ли? Моя жена, – добавил он, – большая ваша поклонница. Она очень огорчится, когда узнает об этом. Она в некотором смысле интеллектуалка, – с улыбкой признался он.

Барнаби не ответил. Он пристально посмотрел на своего соотечественника поверх кипы перевязочных материалов, любезно принесенных сотрудниками консульства, и опустил забинтованную левую руку на колено.

– Ну, разумеется, – продолжил с сомнением консул, – это дело, строго говоря, для полиции. Хотя должен сказать... Однако, если вы подождете минутку, я сейчас позвоню. У меня есть личные связи... Согласитесь, ничто так не помогает, как контакты на нужном уровне. Итак, попробуем.

После ряда проволочек состоялась длинная и совершенно непонятная беседа, в ходе которой, насколько понял Барнаби, его назвали самым знаменитым британским романистом. Часто прерываясь, чтобы переспросить Гранта, консул продиктовал подробности происшествия, а когда закончил, рассыпался в благодарностях: «E stato molto gentile... Grazie, molto grazie, Signore»⁸, понятных даже бедняге Барнаби.

Консул положил трубку и состроил гримасу.

– Не слишком меня там порадовали, – сообщил он.

Барнаби сглотнул и почувствовал дурноту.

Его заверили, что будет сделано все возможное, но, заметил консул, им практически не от чего оттолкнуться, верно? Тем не менее, с большей надеждой добавил он, всегда есть шанс, что Барнаби могут шантажировать.

– Шантажировать?

– Ну, видите ли, взявший кейс, вероятно, ожидал, если не улова в виде ценностей или наличных денег, то хотя бы каких-то документов, за возвращение которых будет назначено вознаграждение и заложена, таким образом, основа для торга. «Шантаж», – проговорил консул, – разумеется, не совсем верное слово. Более уместным было бы «выкуп». Хотя...»

У него была привычка не заканчивать предложения, и это повисло в воздухе, полном чрезвычайного уныния.

– Значит, мне следует поместить объявление и предложить вознаграждение?

– Конечно. Конечно. Мы кое-что предпримем. Дадим моему секретарю подробности на английском языке, а она переведет и поместит в газеты.

– Я причиняю вам беспокойство, – заметил несчастный Барнаби.

– Мы к этому привыкли, – вздохнул консул. – Ваше имя и лондонский адрес значатся на рукописи, вы сказали, но кейс был заперт. Пользы от этого, конечно, никакой.

– Полагаю, да.

– Вы живете...

– В пансионе «Галлико».

– Ах да. У вас есть номер телефона?

– Да... кажется... где-то тут.

⁸ Мне было очень приятно... Спасибо, большое спасибо, синьор (*итал.*).

Барнаби рассеянно пошарил в нагрудном кармане, достал бумажник, паспорт и два конверта, которые упали на стол лицевой стороной. На обороте одного из них он записал адрес и телефон пансиона «Галлико».

– Вот, – отодвинул он конверт к консулу, который уже успел заметить на нем пышный герб.

– А... да. Спасибо. – Он усмехнулся. – Выполнили свой долг и послали им книгу, я вижу, – сказал он.

– Что? О... это. Ну, вообще-то, нет, – замялся Барнаби. – Это... э... что-то вроде ланча. Завтра. Не буду больше отнимать у вас время. Я бесконечно благодарен.

Консул, сияющий и оживленный, протянул через стол руку и обменялся с Барнаби рукопожатием.

– Нет, нет, нет. Очень рад, что вы к нам пришли. Я совершенно уверен в успехе, учитывая все обстоятельства. *Nil desperandum*⁹, знаете ли, *nil desperandum*. Поднимитесь над проблемой!

Но очень высоко подняться над потерей не получалось – два дня истекли, а ответа на объявления не последовало и ничего не дала долгая, буксовавшая из-за языка беседа с красивым представителем местного управления полиции. Барнаби сходил на официальный ланч в своем посольстве и постарался должным образом отреагировать на выраженные послом сочувствие и озабоченность. Но большую часть времени он сидел в садике на крыше пансиона «Галлико», где стояли герани в горшках и летали ласточки. Через французское окно его спальни можно было попасть в заброшенный уголок этого садика, и там он ждал, мучительно прислушиваясь к каждому телефонному звонку в пансионе. Периодически Барнаби возвращался к ужасной мысли заново написать сто тысяч слов своего романа, но от подобной перспективы ему становилось дурно не только эмоционально, но и физически, и он ее отбрасывал.

Время от времени Грант переживал ощущение резкого спуска в адском лифте. Забывшись сном, он вдруг просыпался, как от толчка, и оказывался в кошмаре наяву. Он говорил себе, что надо сообщить о случившемся агенту и издателю, но при одной мысли об этом рот наполнялся желчной горечью, и Барнаби продолжал сидеть и ждать телефонного звонка.

На третье утро Рим накрыла волна жары. В садике на крыше было как в духовке. Грант сидел один в своем уголке с несъеденной бриошью, горшочком меда и тремя осами. Его охватило что-то вроде смеси раздражения и апатии, на смену которой пришло в конце концов, видимо, само отчаяние. «Что мне нужно, – думал он, подавляя приступ тошноты, – так это хорошенько, черт возьми, выплакаться».

Подошел один из двух официантов.

– *Finito?*¹⁰ – мелодично задал он обычный вопрос.

И затем, когда Барнаби согласно кивнул, вроде бы показал жестом, что ему следует уйти в номер. Поначалу Барнаби подумал: официант дает понять, что на крыше слишком жарко, потом – что его зачем-то хочет видеть хозяйка пансиона.

А затем, пронзенный внезапной надеждой, он увидел, как из ведущей на крышу двери пансиона вышел и направился к нему полноватый мужчина в накинута на плечи пиджаке. Барнаби сразу же его узнал.

В голове Гранта в беспорядке пронеслись мысли. Он увидел этого мужчину словно бы между склоненных голов двух влюбленных, в сопровождении грома и молнии. И так и не смог определить, какое всепоглощающее чувство завладело им – одно лишь громадное облегчение или нечто вроде блаженного спокойствия. Он лишь подумал, когда мужчина вошел в тень и извлек из-под пиджака знакомый кейс, не грохнет ли он сейчас в обморок.

⁹ Не надо отчаиваться ни при каких обстоятельствах (*лат.*).

¹⁰ Закончили? (*итал.*)

– Мистер Барнаби Грант? – спросил мужчина. – Полагаю, вы будете рады нашей встрече, не так ли?

IV

Они сбежали из «Галлико», прямо-таки кишевшего горничными, и расположились в очень маленьком кафе в затененном переулке рядом с пьядца Навона, всего в нескольких шагах от пансиона. Кафе это предложил спутник Барнаби. «Если только, разумеется, – насмешливо сказал он, – вы не предпочитаете что-либо пошкарнее... например, пьядца Колонна», и Барнаби вздрогнул. Кейс он взял с собой и, по предложению гостя, отомкнул его. Там, в двух папках, лежала его книга, пачки листов были перехвачены широченными резинками. На месте было и последнее письмо от агента.

По рассеянности Барнаби предложил гостю коктейль с шампанским, коньяк, вино – все что угодно, – но когда тот напомнил, что нет еще и десяти часов утра, остановился на кофе.

– Что ж, тогда, – проговорил он, – в более подходящий час... вы позволите мне... а пока я должен... ну... конечно.

Барнаби сунул руку во внутренний карман пиджака. Сердце все еще бешено билось в груди.

– Вы думаете о столь великодушно предложенном вознаграждении, – начал его собеседник. – Но, прошу вас... не надо. Об этом не может быть и речи. Оказать услугу, пусть и столь незначительную, Барнаби Гранту – все равно что получить золотую награду. Поверьте мне.

Этого Барнаби не ожидал и сразу же почувствовал, что погрешил против хорошего тона. Наверное, его ввел в заблуждение общий внешний вид незнакомца: не только поношенный пиджак из альпаки, сменивший английский твид и, как и тот, наброшенный на плечи поверх неряшливой рубашки без галстука и с потертыми манжетами, не только черно-зеленая шляпа и поистине жалкие туфли, но что-то неуловимое в самом этом человеке. «Как жаль, – подумал Барнаби, – что я не смог немедленно проникнуться к нему симпатией. Я должен ему хотя бы это».

И пока его собеседник говорил, Барнаби поймал себя на профессиональной привычке романиста: он разглядывал эту продолговатую голову, коротко стриженную, как у американских школьников, и редкую растительность мышинового цвета. Он обратил внимание на чрезвычайную бледность кожи, с виду мягкой и нежной, как у женщины, на неожиданную полноту и яркий цвет губ и на те большие светлые глаза, которые так пристально смотрели на него на пьядца Колонна. Голос и речь? Высокий, но приглушенный голос не имел явного акцента, но в разговоре чувствовалось тщательное построение фраз. Возможно, английский перестал быть для него привычным. Выбор слов был точным, словно мужчина заучил свои предложения для публичного выступления.

Руки у него были пухлые и нежные, а ногти обкусаны до мяса.

Звали его Себастьян Мейлер.

– Вам, разумеется, интересно, – говорил он, – почему вы подверглись этой, без сомнения, мучительной задержке. Хотели бы вы узнать об обстоятельствах?

– Очень.

– Не смею надеяться, что вы заметили меня в то утро на пьядца Колонна.

– Напротив. Я очень хорошо вас помню.

– Возможно, я неприлично вас разглядывал.

Понимаете, я сразу же узнал вас по фотографиям на суперобложках ваших книг. Должен вам сказать, что я ваш преданный поклонник, мистер Грант.

Барнаби что-то пробормотал.

– Также меня, что важнее, можно назвать «бывалым римлянином». Я прожил здесь много лет и познакомился с некоторыми слоями римского общества. Включая низшие. Видите, я откровенен.

– Почему бы и нет?

– Вот именно, почему бы нет! Мои мотивы того, что некоторые наши соотечественники назвали бы, как мне представляется, копанием в грязи, продиктованы эстетическими и, полагаю, я могу сказать, философскими стремлениями, но я не стану вас этим утомлять. Вполне достаточно, если я скажу, что в то самое время, как я узнал вас, я узнал и презренного типа, известного римским подонкам как – я перевожу – «Ловкие пальцы». Он стоял близко от вас, у вас за спиной. Его взгляд был прикован к вашему чемоданчику.

– Боже!

– Именно. Итак, вы вспомните, что та зарождавшаяся гроза вдруг разразилась и что из-за ливня и последующей неразберихи между посетителями, сидевшими за соседними с вами столиками, возникла ссора.

– Да.

– И что вы получили сильный удар в спину, от которого упали на стол.

– Так и было, – согласился Барнаби.

– Конечно, вы подумали, что вас ударил один из участников драки, но это не так. Упомянутый мною тип воспользовался свалкой, бросился вперед, толкнул вас плечом, схватил ваш чемоданчик и побежал. Момент для маневра был выбран безупречно, а сам он выполнен с величайшей скоростью и точностью. Драчуны продолжали орать друг на друга, а я, мой дорогой мистер Грант, устремился в погоню.

Он отхлебнул кофе, слегка наклонил голову, отмечая, возможно, пристальное внимание Барнаби.

– Преследование получилось долгим, – продолжал Мейлер. – Но я не отставал и... правильно ли будет сказать «настиг его»? Да, так. Спасибо. Итак, я настиг его в, как написали бы поставщики сенсационных романов, «некоем кафе на такой-то улочке недалеко от...» и так далее и так далее... возможно, моя фразеология несколько устарела. Проще говоря, я догнал его в обычном его убежище и вернул – не буду тревожить ваши уши описанием того, каким способом я этого добился, – ваш кейс.

– В тот же день, как я его потерял? – не сумел удержаться от вопроса Барнаби.

– Ах! Как всегда говорит загнанная в угол жертва допроса, я рад, что вы задали этот вопрос. Мистер Грант, для менее выдающейся личности я заготовил бы правдоподобную отговорку. Но в отношении вас это не годится. Я не смог вернуть ваш чемоданчик раньше, потому что...

Он умолк, чуть улыбаясь, и, не отводя взгляда от лица Барнаби, задрал рукав на левой руке, белокожей и безволосой, и положил ее на стол ладонью вверх.

– Посмотрите сами, – продолжил Мейлер. – Они очень похожи на комариные укусы, правда? Но, уверен, вы догадываетесь, что это за точки. Не так ли?

– Да... кажется, да.

– Конечно. У меня развилось пристрастие к кокаину. Я с вами откровенен, а? В ближайшие дни мне непременно нужно перейти на какой-нибудь товар полегче. Видите, я хорошо знаком с жаргоном. Но я отклонился от темы. Мне стыдно признаться, что стычка с Ловкоруким сильно меня потрясла. Своей злосчастной наклонностью я, без сомнения, до некоторой степени подорвал здоровье. Особой силой я не отличаюсь. Я прибегнул к своей... приемлемое название, полагаю, дозе и, коротко говоря, значительно превысил обычную норму и выпал из жизни до сегодняшнего утра. Разумеется, я не могу даже надеяться на ваше прощение.

Барнаби секунду помолчал, а затем великодушно произнес:

– Я до такой степени рад, что получил ее назад, что не испытываю ничего, кроме благодарности, даю честное слово. В конце концов, кейс был заперт, и вы не могли знать...

– О, но я знал! Я догадался. Когда я пришел в себя, то догадался. Во-первых, вес. И то, как она перемещалась внутри, понимаете. И потом, я ведь видел ваше объявление: «...в котором находится рукопись, представляющая ценность только для владельца». Поэтому я не могу отнести на свой счет это лестное для моей души утешение, мистер Грант.

Он достал сомнительной свежести носовой платок и вытер лицо и шею. Маленькое кафе располагалось на теневой стороне улицы, но мистер Мейлер обильно потел.

– Еще кофе?

– Спасибо. Вы очень добры. Крайне добры.

Кофе как будто взбодрил его. Он взял чашку пухлыми грязными руками и посмотрел поверх нее на Барнаби.

– Я в глубоком долгу перед вами, – произнес Барнаби. – Могу ли я что-нибудь сделать?

– Вы сочтете меня невыносимо льстивым... полагаю, манерой выражаться я стал походить на итальянцев, но уверяю вас, что сам факт встречи с вами и возможность оказать хотя бы такую малую...

«Наш разговор, – подумал Грант, – ходит по кругу».

– Что ж, – предложил он, – вы должны пообедать со мной. Давайте выберем время, хорошо?

Но мистер Мейлер, явно волнуясь, уже, очевидно, подобрался к концу своей речи. После множества извинений он в итоге признался, что и сам написал книгу. Он трудился над ней три года, нынешний вариант был четвертым.

По своему горькому опыту Барнаби знал, что последует за этим откровением. Были произнесены все слишком хорошо знакомые фразы: «...безмерно ценю ваше мнение...», «...просмотрите ее...», «...совет такого специалиста...», «...заинтересовать издателя...».

– Конечно, я ее прочту, – согласился Барнаби. – Вы захватили рукопись с собой?

Оказалось, что мистер Мейлер сидел на ней. Привстав, он быстрым и легким движением руки вытащил пачку листов, завернутую в немного влажную римскую газету, и дрожащими пальцами освободил от упаковки. Плотные исписанные итальянизированным почерком листы составляли, обрадовался Барнаби, не очень объемный труд. Примерно сорок тысяч слов, а возможно, если повезет, и того меньше.

– По объему ни роман, ни новелла, – пояснил автор произведения, – но таким уж оно получилось, и таким я его и оставил.

Грант быстро поднял глаза. Мейлер выжидал. «В конце концов, это не так уж и трудно», – подумал Барнаби.

– Надеюсь, – проговорил мистер Мейлер, – мой почерк не создаст непомерных трудностей. Машинистка мне не по карману.

– Он выглядит очень разборчивым.

– Если так, чтение отнимет не больше нескольких часов вашего времени. Быть может, через два дня или около того я могу... Но я не должен проявлять настойчивости.

Барнаби подумал: «А я должен проявить вежливость». Вслух он сказал:

– Послушайте, у меня есть предложение. Поужинайте со мной послезавтра, и я выскажу вам свое мнение.

– Как вы добры! У меня просто нет слов. Но, прошу вас, вы должны позволить мне... если не возражаете... ну, куда-нибудь... очень скромное заведение... как это, например. У них тут маленький ресторанчик, как вы видите. Фетуччини у них... по-настоящему хороши, и вино вполне достойное. Управляющий мой друг и окажет нам надлежащий прием.

– Звучит восхитительно, и в любом случае давайте придем сюда, но угощаю я, мистер Мейлер, окажите мне любезность. Ужин для нас закажете вы. Отдаю себя в ваши руки.

– В самом деле? Правда? Тогда я должен переговорить с ним заранее.
На этом они и расстались.

В пансионе «Галлико» Барнаби сообщил всем встречным – хозяйке, двум официантам, даже горничной, которая мало, а то и вовсе не говорила по-английски, – о возвращении рукописи. Кто-то понял его, кто-то нет, но все обрадовались. Он позвонил в консульство, и его шумно поздравили. Он расплатился за помещенные в газеты объявления.

Когда все это было выполнено, Барнаби перечитал те куски из книги, которые, по его мнению, требовали переделки, перескакивая с одного отрывка на другой.

Он почувствовал, как устал за эти последние три дня, и перевернул страницу.

В углублении между страницами, на внутренней стороне корешка папки, Барнаби заметил грязное пятно и, развернув рукопись пошире, обнаружил что-то похожее на сигаретный пепел. Курить он бросил два года назад.

V

Поразмыслив и внимательно изучив замок кейса, Барнаби напомнил себе, что женщина, прибиравшаяся у него в Лондоне, была заядлой курильщицей, смолившей одну сигарету за другой, и чрезвычайно любопытной особой и что его рукопись часто лежала открытой на столе. Это воспоминание успокоило его, и он смог работать над своей книгой, а в часы сиесты выполнял обещанное – читал «почти-новеллу» мистера Мейлера:

«Анжелло в августе» Себастьяна Мейлера

Произведение было неплохое. Немного страдавшее украшательством. Немного надуманное. Местами непристойное, но, вероятно, к месту. И учитывая, что это был четвертый вариант, слишком уж небрежно написанное: пропущенные слова, повторы, многословие. Не кокаин ли виной в этих упущениях? – размышлял Барнаби. Но на его памяти из печати выходили книги и похуже, и если бы мистеру Мейлеру удалось состряпать один-два опуса покороче, чтобы составить отдельный том, он вполне мог бы найти для него издателя.

Его поразили забавные совпадения, и, когда в назначенное время мужчины встретились за ужином, Барнаби заговорил об этом с мистером Мейлером.

– Кстати, – заметил он, подливая мистеру Мейлеру вина, – вы ввели побочную тему, которая вообще-то проходит в моей собственной книге основной линией.

– О нет! – воскликнул его гость, а затем произнес: – Говорят же, не так ли, что существует всего – сколько? – три, четыре... основные темы?

– И что все темы можно свести к одной или другой из них? Да. Это лишь деталь в вашей истории, и вы ее не развиваете. На самом деле она кажется мне чуждой, и ее вполне можно опустить. Данное предложение, – добавил Барнаби, – не продиктовано профессиональной завистью. – И оба они рассмеялись, мистер Мейлер – гораздо громче.

Видимо, он по-итальянски пересказал эту шутку каким-то своим знакомым, с которыми поздоровался, когда пришел, и которых представил Uhfyne. Они сидели за соседним столиком и всю развлекались. Выбрав подходящий момент, они выпили за здоровье Барнаби.

В целом ужин удался на славу. Еда была превосходной, вино приемлемым, хозяин заведения – внимательным, а обстановка – приятной. Из узенького до крайности переулка они смотрели на пьядца Навона и видели фонтан с великолепно подсвеченным Мавром, который боролся с дельфином. Поверх разнообразных голосов вечернего Рима доносился плеск фонтанов. Группы молодежи грациозно перемещались по площади. Ночь середины лета пульсировала собственной красотой. Барнаби почувствовал, как в душе у него нарастает необъяснимое

возбуждение, более мощное, чем то, какое могло бы вызвать слабое выпитое вино. Он пришел в восторг.

Откинувшись на стуле, он глубоко вздохнул, поймал взгляд мистера Мейлера и засмеялся.

– У меня такое чувство, – сказал он, – будто я только что приехал в Рим.

– И, возможно, будто ночь только началась?

– Что-то в этом роде.

– Хотите приключение? – намекнул Мейлер.

Возможно, вино оказалось не столь уж и слабым. Какое-то сомнение проскользнуло, когда он посмотрел на Мейлера, словно на мгновение проступила другая личность. У него действительно *очень* странные глаза, примирительно подумал Барнаби.

– Приключение? – повторил Мейлер. – Интересно, а не могу ли я вам помочь? В качестве чичероне?

Могу ли я вам помочь? «Этот Мейлер, наверное, продавец в магазине», – подумал Барнаби и непринужденно спросил:

– Ну... и каким же образом?

– Любым, – пробормотал Мейлер. – По правде говоря, любым, каким пожелаете. Я человек разносторонний.

– О, – произнес Барнаби. – А я очень традиционный. Самый натуральный натурал, – прибавил он и посчитал это добавление чрезвычайно забавным, – в Риме.

– Тогда, если позволите...

Хозяин заведения уже поджидал рядом со счетом. Барнаби показалось, что в маленькой траттории стало очень тихо, но когда огляделся, то увидел, что посетители никуда не делись и ведут себя вполне нормально. Барнаби с трудом выбирал нужные банкноты, но мистер Мейлер помог ему, и Барнаби упросил его дать щедрые чаевые.

– Очень, очень хорошо, – сказал Барнаби хозяину, – я еще приду.

Они тепло пожали друг другу руки.

А затем Барнаби, пройдя в сопровождении мистера Мейлера по узким улочкам – мимо сияющих окон и темных парадных, сквозь шумные сборища и по тихим переулкам, попал в совершенно другой, незнакомый ему Рим.

Глава 2. Экспедиция подготовлена

I

Больше Барнаби с Себастьяном Мейлером не встречался – до следующей весны, когда вернулся в Рим после успешного выхода своей книги в Лондоне. Пансион «Галлико» не смог принять Барнаби в первые дни, поэтому он остановился в маленькой гостинице неподалеку, в Старом Риме.

На второе утро он спустился в фойе за почтой, но у стойки портье толпились заселявшиеся туристы, и поэтому Барнаби сел в ожидании на стул у самого входа.

Он развернул газету, но читать не стал, так как его вниманием полностью завладели туристы, прибывшие, очевидно, вместе; в особенности двое, державшиеся чуть в стороне от своих товарищей, но тем не менее принадлежавшие, похоже, к той же группе.

Они представляли собой выдающуюся пару, оба очень высокие и крупные, с широкими плечами и на удивление легкой походкой. Барнаби предположил, что они муж и жена, но до странности похожие друг на друга, возможно, приобретшие сходство в супружестве. У них были большие лица, с округлым подбородком у жены и с очень короткой, обрамлявшей нижнюю челюсть бородой у мужа. Яркие, выпуклые глаза у обоих. Он был очень внимателен к ней, касался ее руки, иногда пожимал ее большие ладони и смотрел в лицо. Одежду мужчины составляли голубая хлопчатобумажная рубашка, пиджак и шорты. Одежда женщины, отметил Барнаби, была, вероятно, очень хорошей, хотя и сидела мешковато на ее нескладной фигуре.

Они испытывали определенное затруднение и сверялись с каким-то документом, видимо не находя в нем никакого утешения. На стене висела большая карта Рима: пара подошла к ней и с беспокойством стала ее изучать, обмениваясь недоумевающими взглядами.

Появилась новая группа туристов и минуты на две заслонила этих людей от Барнаби. Когда он снова смог увидеть странную пару, те уже стояли не одни. С ними был мистер Мейлер.

Барнаби видел только его спину, но несколько не усомнился в личности этого человека. Он был одет, как в то первое утро на пьядца Колонна, и что-то еще в его внешности исключало ошибку.

Грант ощутил страстное нежелание с ним встретиться. Воспоминания о римской ночи, проведенной под руководством мистера Мейлера, были расплывчатыми и сбивчивыми, но все же достаточными, чтобы оставить крайне неловкое впечатление о том, что он зашел слишком далеко. Барнаби предпочитал не вспоминать об этом и буквально содрогался от одной мысли о возобновлении знакомства. Фарисеем Барнаби не был, но всему есть предел.

Он хотел уже встать и попытаться быстренько сбежать через вращающиеся двери, когда Мейлер наполовину обернулся к нему. Барнаби вскинул газету повыше, в надежде, что успел вовремя укрыться.

«Что за нелепая ситуация, – думал он. – Да что со мной такое? Это просто из ряда вон. Я не сделал ничего, что действительно могло бы вызвать у меня такое чувство, но по какой-то необъяснимой причине я все же чувствую себя... – он поискал слово и нашел лишь одно подходящее, – замаранным».

Однако ему очень хотелось понаблюдать за мистером Мейлером и двумя незнакомцами, и он презирал себя за это желание. Можно было подумать, что любая мысль о Мейлере вызывала в нем самом какое-то стремление к скрытности, и, поскольку в обычных обстоятельствах Барнаби действовал прямо, такая реакция была ему неприятна.

Тем не менее он сдвинул газету в сторону, чтобы эта группа попала в поле зрения его левого глаза.

Троица стояла на том же месте. Мейлер – снова спиной к Барнаби. Очевидно, говорил он выразительно, и крупная пара сосредоточенно ему внимала. Они смотрели на него с величайшим почтением и улыбались.

Знакомая улыбка. Барнаби потребовалось мгновение или чуть больше, чтобы вспомнить, и затем, совершенно потрясенный, он понял – то была улыбка этрусской терракотовой пары из Виллы Джулия; улыбка Гермеса и Аполлона, когда улыбаются, не разжимая губ, улыбка, от которой уголки губ заостряются и которая – жестокая, спокойная или мудрая, какая угодно, – всегда загадочна. Чрезвычайно живая, она таит некое знание.

Она почти растаяла на губах пары, но исчезла не до конца и теперь, подумал Грант, эти двое стали похожи на супругов с саркофага на Вилле Джулия, и нежная опека мужчины действительно усилила сходство. *Очень* странно, подумал Барнаби. Завороженный, он забыл о Себастьяне Мейлере и опустил газету.

Барнаби не заметил, что над картой на стене висит под наклоном зеркало. Отблеск света от вращающейся двери блеснул в нем. Барнаби поднял взгляд, и там, снова между голов влюбленных, увидел мистера Мейлера, глядевшего ему прямо в глаза.

Реакция Барнаби была необъяснимой. Он быстро встал и покинул гостиницу.

Грант обошел площадь Навона, размышляя о том, как ужасно себя повел. Без человека, которого он только что обидел, не состоялось бы главное событие его карьеры. Он все еще воссоздавал бы свою самую важную книгу и, весьма вероятно, потерпел бы провал. Он всем ему обязан! Почему же тогда он так ужасно себя повел? Неужели он настолько стыдился той римской ночи, что не выносил напоминания о ней? Барнаби предполагал, что дело, наверное, в этом, но одновременно понимал, что им двигало более сильное побуждение.

Мистер Мейлер ему не нравился. На самом деле он очень сильно ему не нравился, и еще почему-то Грант его боялся.

Барнаби сделал круг по большой площади, прежде чем принял решение. Если возможно, он исправит дело. Вернется в гостиницу и, если мистера Мейлера там уже нет, поищет его в трагтории, где они тогда ужинали. Мейлер тамшний завсегдатай, и у хозяина может оказаться его адрес.

Никогда еще ему не приходилось предпринимать более неприятного шага. Войдя в фойе гостиницы через вращающуюся дверь, Барнаби обнаружил, что все туристы разошлись, а мистер Мейлер все еще совещается с «этрусской» парой.

Мейлер увидел Барнаби и уставился на него, ничем не показывая, что знаком с ним. Он продолжал беседовать с «этрусками», но при этом не сводил глаз с Барнаби.

«Теперь он игнорирует меня, и поделом мне», – подумал Грант и ровным шагом направился к троице.

Приближаясь, он услышал слова мистера Мейлера:

– Рим так изумляет, не правда ли? Даже после стольких посещений! Возможно, я сумел бы вам помочь? Как чичероне?

– Мистер Мейлер? – услышал Барнаби свой голос. – Не знаю, помните ли вы меня. Я Барнаби Грант.

– Я очень хорошо вас помню, мистер Грант.

Молчание.

«Что ж, – подумал Грант, – отступить некуда» – и продолжил:

– Я только что увидел ваше отражение в зеркале. Не представляю, почему я сразу же не узнал вас, и могу сослаться только на хроническую рассеянность. Я обошел уже половину Навоны, когда вдруг вспомнил, и вернулся в надежде, что вы все еще здесь. – Несчастный Барнаби повернулся к «этрускам»: – Прошу меня простить. Я вам помешал.

Они одновременно принялись возражать, а потом мужчина, лицо которого вдруг ожило от улыбки-полумесяца, воскликнул:

– Но ведь я прав! Я не ошибаюсь! Это тот самый мистер Барнаби Грант. – Он обратился к мистеру Мейлеру: – Я прав, да?

Его жена что-то тихо проворковала.

Мистер Мейлер кивнул:

– Да, действительно. Могу представить – барон и баронесса Ван дер Вегель.

Они горячо пожали ему руку и разразились потоком слов. Они прочли все его книги, и по-голландски (по рождению они голландцы), и по-английски (они граждане мира), его последний (несомненно, величайший?) роман! Они повернулись к мистеру Мейлеру. Он, разумеется, читал его?

– Да, действительно, – ответил тот совершенно так же, как перед этим. – Каждое слово. Он полностью меня захватил.

Он сказал это с такой странной интонацией, что Барнаби, уже находившийся на грани срыва, нервно глянул на него, но собеседников Мейлера было не унять, и они наперебой пели хвалы работам Барнаби.

Нельзя сказать, что мистер Мейлер слушал их восторженные излияния с сарказмом. Он просто слушал. Его отчужденность вызывала у Барнаби острое смущение. Когда все – предсказуемо выраженная надежда, что он с ними выпьет (они жили в этой гостинице), повторные заверения, что его творения так много значат для них, извинения за назойливость и тактичное прощание – было сказано и сделано, Барнаби остался наедине с Себастьяном Мейлером.

– Я не удивлен, – проговорил мистер Мейлер, – что вы не стремились возобновить наше знакомство, мистер Грант. Я же, напротив, искал вас. Может, мы перейдем в какое-нибудь более тихое место? Вот, по-моему, салон. Так что...

До конца жизни Барнаби тошнило при воспоминании о той банальной комнатке с ее псевдоампирной мебелью, ковром с цветочным узором и фальшивым гобеленом на стене – гобеленом массового производства, популярным в маленьких гостиницах и изображавшим падение Икара.

– Я перейду сразу к делу, – заявил мистер Мейлер. – Это всегда лучше, вы согласны?

Именно так он и поступил. С известной чопорностью сидя на стуле с позолоченными ножками, сложив свои мягкие руки и неторопливо вертя большими пальцами с обгрызенными ногтями, мистер Мейлер начал шантажировать Барнаби Гранта.

II

Все это случилось за две недели до того утра, когда Софи Джейсон проводила в аэропорту Леонардо да Винчи свою внезапно лишившуюся отца подругу. Девушка вернулась в Рим автобусом и поднялась в садик на крыше пансиона «Галлико», где десять месяцев назад принимал Себастьяна Мейлера Барнаби Грант. Здесь Софи обдумывала свое положение.

Ей было двадцать три года, она работала в лондонском издательстве и начала карьеру детской писательницы. В Рим приехала впервые. Она и потерявшая отца подруга должны были вместе провести летний отпуск в Италии.

Твердого маршрута они не выработали, но пересмотрели гору брошюр, прочли обязательный путеводитель по Риму мисс Джорджины Мэссон и в транс бродили по улицам и осматривали памятники старины. Столь неожиданно скончавшийся отец подруги имел значительную долю в типографии неподалеку от Турина и устроил так, что девушки могли без стеснения обращаться за средствами в римскую контору фирмы. Их снабдили деловыми и личными рекомендательными письмами. Вместе они пребывали в восторге, оставшись же одна, Софи испытывала странные чувства, но, в общем, находилась в приподнятом настроении. Сама

себе хозяйка – и в Риме! У Софи были тициановские волосы, большие глаза и яркий рот, и она уже благоразумно поворачивалась спиной к стене в переполненных лифтах, да и вообще в любом месте, где поблизости собиралось более двух римских джентльменов. «Поблизости», как заметила она подруге, являлось ключевым словом.

«Я должна составить что-то вроде плана, и не одного, – убеждала себя Софи, – но ящики в садике на крыше были полны весенних цветов, воздух сотрясали голоса, шум уличного транспорта, шаги и гулкое цоканье лошадиных подков по булыжной мостовой. – Просадить, что ли, пару тысяч лир и взять экипаж до Испанской лестницы? Или лучше пойти пешком и идти до тех пор, пока не начнут гореть подошвы ног? Что же делать? Нет, мне действительно *следует* составить план», – думала возбужденная Софи, а вскоре, безвольная и счастливая, уже шла по Корсо, сама не зная куда. И очень скоро с удовольствием заблудилась.

Она купила себе перчатки, солнечные очки в розовой оправе, эспадрильи и пару успокаивающих ноги пластырей, которыми незамедлительно и воспользовалась, к огромному своему облегчению. Выйдя из магазина, она заметила рядом со входом маленькое бюро путешествий. «Позвольте НАМ, – призывало оно по-английски с помощью плакатика, – быть вашим гидом в Риме».

За стойкой сидела темноволосая, грубая девица и с презрительным видом полировала ногти.

Прочитав несколько объявлений и заглянув в уже знакомые брошюры, Софи собралась было уйти, когда ее внимание привлекла небольшая карточка. Напечатанная итальянизированным шрифтом реклама гласила: «"Чичероне", экскурсии с личным гидом. Нечто необычное! Не слишком утомительное, рассчитанное на людей с тонким вкусом знакомство с наименее рекламируемыми и самыми завораживающими местами Рима. Под руководством опытного и практикующего в высшей степени индивидуальный подход мистера Себастьяна Мейлера. Ужин в самом изысканном ресторане и далее – нетрадиционные развлечения по договоренности. *Почетный гость*: выдающийся британский писатель мистер Барнаби Грант любезно согласился сопровождать экскурсии с 23 апреля до 7 мая. Включая воскресенья».

Софи поразились. Барнаби Грант – самое тяжелое орудие авторского арсенала ее издателя. Его новый и самый важный роман «Саймон в Лации», действие которого разворачивалось в Риме, стал для них престижным событием и бестселлером года. Местные книжные магазины уже были завалены его переводом на итальянский язык.

На грандиозном приеме, устроенном ее издательским домом, она предложила Барнаби Гранту напитки, а нынешний начальник Софи как-то представил ее Гранту. У девушки сложилось о нем свое мнение, и в него не вписывалась мысль о том, что он таскается по Риму с группой туристов, осматривающих достопримечательности. Она предположила, что Гранту, должно быть, очень хорошо за это заплатили, и данная мысль показалась ей неприятной. В любом случае могла ли столь маленькая, судя по всему, фирма, как эта, позволить себе вознаграждение такого размера, чтобы заполучить Барнаби Гранта? Возможно, внезапно осенило Софи, он приятель этого опытного и практикующего в высшей степени индивидуальный подход мистера Себастьяна Мейлера.

Она все еще рассеянно смотрела на объявление, когда почувствовала, что сбоку от нее стоит мужчина. У Софи создалось впечатление, что он находится здесь уже некоторое время и давно пялится на нее. Мужчина не сводил с Софи взгляда, и она подумала: «Вот черт! Какой же ты зануда!»

– Прошу меня простить, – произнес мужчина, снимая позеленевшую от старости черную шляпу. – Пожалуйста, не считите меня дерзким. Меня зовут Себастьян Мейлер. Я вижу, вы заметили мое скромное объявление.

Девица за стойкой глянула на мужчину. Она накрашила ногти и теперь с надменным видом шевелила пальцами, держа руки на весу. Софи повернулась к мистру Мейлеру.

– Да, – ответила она, – заметила.

Он слегка поклонился и двинулся прочь со словами:

– Я не должен навязываться. Прошу прощения!

– Ну что вы, – сказала Софи и, чувствуя себя виноватой из-за глупого предположения, добавила: – Меня очень заинтересовало имя Барнаби Гранта на вашей карточке.

– Мне действительно повезло, – подхватил мистер Мейлер, – не правда ли? Возможно, вы бы захотели... но простите. Один момент. Вы подождете?

Он что-то сказал по-итальянски грубой девице, которая выдвинула ящик, достала нечто похожее на книгу ваучеров и бросила на стойку.

Мистер Мейлер просмотрел ее.

– А, да, – проговорил он. – Других оно тоже, похоже, заинтересовало. Свободных мест, я вижу, нет.

Софи сразу же почувствовала острое разочарование. Больше всего на свете она хотела теперь присоединиться к одной из чрезвычайно изысканных экскурсий мистера Мейлера.

– Размер группы строго ограничен? – спросила она.

– Это важнейшее условие. – Он не отрывался от ваучеров.

– А может быть, кто-то откажется?

– Прошу прощения? Что вы говорите?

– Никто не откажется?

– А... понятно. Ну... возможно. Я так понимаю, вы хотите присоединиться к одной из моих экспедиций?

– Очень хочу, – сказала Софи и предположила, что не кривит душой.

Он поджал свои полные губы и пролистал ваучеры.

– Вот, – проговорил он. – Какая удача! Я вижу один отказ. Суббота, двадцать шестое. Наша первая экскурсия. День и вечер. Но прежде чем вы примете решение, уверен, вы захотите узнать о цене. Прошу.

Он протянул папку и деликатно отвернулся, пока Софи читала. Маршрут и название ресторана, где они будут ужинать. Вечером их ждет прогулка в конном экипаже, а потом посещение ночного клуба. При виде общей стоимости Софи моргнула. Сумма была огромной.

– Я понимаю, – тактично заверил девушку мистер Мейлер. – Но есть множество гораздо, гораздо менее дорогих туров, чем мой. Синьорина с радостью вас проинформирует.

Очевидно, ему было глубоко наплевать, согласится она или откажется. Такое отношение пробудило в Софи некоторое безрассудство. В конце концов, каким бы безумием это ни казалось, ей это *по карману*.

– Я буду очень рада воспользоваться этим отказом, – произнесла Софи, и даже ей самой ее голос показался и чопорным, и вызывающим.

Он что-то еще сказал девице по-итальянски, приподнял шляпу, пробормотал, обращаясь к Софи: «В таком случае... *arrivederci*»¹¹ – и оставил ее разбираться.

– Вы платить мне, – свирепо заявила девица и, когда Софи отдала деньги, протянула ей билет и наградила хриплым необъяснимым смешком. Софи весело, хотя и машинально засмеялась в ответ, желая, как всегда, быть дружелюбной со всем и каждым.

Она продолжила прогулку по Риму, с не поддающимися определению чувствами предвкушая субботу, двадцать шестое апреля.

¹¹ До свидания (*итал.*).

III

– Должна сказать, – пробормотала леди Брейсли, – тебе, похоже, не очень-то весело. Никогда не видела такого угрюмого лица.

– Сожалею, тетя Соня. Я не хотел казаться угрюмым. Честно, я бесконечно благодарен.

– О, – отмахнулась она от его слов, – благодарен! Я лишь надеялась, что мы мило, весело проведем вместе время в Риме.

– Сожалею, – повторил он.

– Ты такой... странный. Беспокойный. И выглядишь неважно. Что ты с собой делаешь?

– Ничего.

– Бурная ночь, полагаю.

– Со мной все будет хорошо. Правда.

– Возможно, тебе не следовало так удирать из Перуджи.

– Перуджа мне до смерти наскучила. Студенты бывают такими жуткими занудами. И когда мы с Фрэнки расстались... ну, ты понимаешь.

– Все равно твои родители, адвокаты, лорд-канцлер или кто там еще, вероятно, разозлятся на меня. За то, что не приказала тебе вернуться.

– Это важно? Да и вообще... мои родители! При всем уважении к твоему кошмарному братцу, дорогая, мы знаем, что чем дольше его чадо держится вдали от него, тем больше ему это нравится.

– Кеннет... дорогой!

– А что касается мамочки... как называется тот приют для алкашей, куда она переехала?

Никак не могу запомнить.

– Кеннет!

– Ну, так и прекрати об этом, ангел мой. Сейчас уже не двадцатые годы, знаешь ли.

Они задумчиво посмотрели друг на друга.

Тетка спросила:

– У вас была очень дурная компания в Перудже, Кеннет?

– Не хуже дюжины других.

– Какого рода компания? Чем вы занимались?

– О, разными вещами, – ответил Кеннет. – Забавными. – Он просто исходил обаянием. –

Ты слишком молода, чтобы тебе рассказывать, – заявил он. – Какое потрясающее платье! Ты купила его у той поразительной дамы?

– Тебе нравится? Да, у нее. За астрономическую сумму.

– Оно выглядит на эти деньги.

Тетка полюбовалась на себя в зеркало.

– Попробовало бы не выглядеть, – пробормотала она.

– О господи! – недовольно бросил Кеннет и плюхнулся на стул. – Прости! Наверное, погода.

– Сказать тебе по правде, я и сама немного на взводе. Придумай для нас какое-нибудь восхитительное и возмутительное дельце, дорогой! Что такое?

Кеннет, как чадрой, заслонил нижнюю часть лица ладонями и поверх них смотрел на тетку большими и нежными карими глазами. Во всех действиях Кеннета сквозила порывистость и жеманность: он примерял разные стили поведения и отбрасывал их с той же капризностью, с какой его тетка примеряла свои шляпки.

– Милая, – произнес он. – Есть одно дело.

– Ну... какое же? Я не слышу, что ты там говоришь, прикрывая рот.

Он раздвинул пальцы, образуя треугольное отверстие, и заговорил через него.

- Я знаю одного человечка, – сказал Кеннет.
- Какого человечка? Где?
- В Перудже, а теперь здесь.
- И что же в нем такого?
- Он довольно умный человечек. Ну, вообще-то, я бы сказал – человек.
- Прекрати, Кеннет! Это сводит с ума, это бесит. – И потом вдруг прошептала: – В Перудже. Ты... ты... *курил?*..
- Ни к чему понижать голос, дорогая! Вижу, тебе наплели обычные глупости.
- Значит, курил?
- Разумеется, – нетерпеливо ответил Кеннет и, помолчав, сменил позу – обхватил руками колено и склонил голову. – Ты такая замечательная, – произнес он. – Я могу всем с тобой делиться. Как будто ты из моего поколения. Ну, разве мы не чудо? Мы оба?
- Неужели? Кеннет... на что это похоже?
- «Травка»? Ты действительно хочешь знать?
- Ну, я же спрашиваю.
- Противно в первый раз и очень весело, если это дело не бросать. На самом деле детские игрушки. Столько шума из ничего.
- Этим занимаются на... на вечеринках, да?
- Совершенно верно, милая. Хочешь попробовать?
- Привыкания к этому не развивается. Нет?
- Конечно, нет. Ничего такого. Нормальная штука, насколько это возможно. Ты не подсядешь. С «травкой» это не грозит. Лучше тебе познакомиться с моим человечком. Соверши маленькое путешествие. На самом деле я мог бы устроить потрясающее путешествие. Безумно классное. Тебе понравится. Самые разные роскошные господа. Суперэкзотическое заведение. Все вместе.
- Леди Брейсли посмотрела на него из-под своих немислимых ресниц – девичьим взглядом, отнюдь не красившим ее лицо. И произнесла:
- Может, я и согласилась бы.
- Одно только... это очень дорого. Немислимо высокий уровень и стоит того. Нужно кучу денег, а у меня – вот удивительно – нет ни цента.
- Кеннет!
- В сущности, если бы моя богатая тетя меня не пригласила, меня с позором выставили бы. Не наезжай на меня, вряд ли я это выдержу.
- Они уставились друг на друга. Они были очень похожи: две версии одного катастрофического образа.
- Я тебя понимаю, – сказал Кеннет. – Ты ведь это знаешь, верно? Я нахлебник, так? Но я не просто нахлебник. Я даю кое-что взамен. Согласна? – Он подождал мгновение и, когда тетя не ответила, крикнул: – Разве нет? Разве нет?
- Успокойся. Да. Да, конечно, даешь. Да.
- Мы одного поля ягоды, не так ли?
- Да. Я же сказала, ты что, не слышал? Ладно, дорогой. Посмотри у меня в сумочке. Я не знаю, сколько там.
- Боже, какое же ты чудо! Я... я сейчас же пойду. Я... все... все... – его губы искривились, – устрою. Мы проведем такой... как же это называла та старая высохшая цыганка... или ее дружок... яркий вечерок?.. Ты не против?
- Ее бумажник трясся у него в руке.
- Здесь не так уж и много, – заметил Кеннет.
- Неужели? – откликнулась его тетка. – Внизу обналичат чек. Я выпишу. У тебя должны быть при себе деньги.

После его ухода она перешла в свою спальню, села перед зеркалом и принялась изучать сомнительную маску, которую до сих пор предъявляла миру.

Зевающий и потеющий Кеннет пустился в лихорадочные поиски мистера Себастьяна Мейлера.

IV

– Знакомая история, – сказал высокий мужчина. Он сбросил ногу с колена, резко поднялся и принял непринужденную позу перед своим собеседником, который, застигнутый врасплох, с трудом выпрямлялся. – Крупная рыба, – добавил высокий мужчина, – держится на один рывок впереди, пока прихвостни время от времени запутываются в наших сетях. Правда, не так уж часто.

– Прошу прощения, мой дорогой коллега. Рыба? В сетях?

– Простите. Я хотел сказать: действительно, иногда нам удается схватить второстепенных преступников, но их главари продолжают от нас ускользать.

– К сожалению!

– В этом деле самой крупной из всех рыбой является, без сомнения, Отто Зигфельдт, который в настоящее время уединился в каком-то фальшивом дворце в Ливане. Мы не можем до него добраться. Пока не можем. Но этот человек здесь, в Риме, – ключевая фигура.

– Мне крайне хотелось бы положить конец его деятельности. Все мы знаем, мой дорогой коллега, что Палермо, к бесконечному сожалению, был транзитным портом. Как и Корсика. Но чтобы он распространил свою деятельность на Неаполь и, похоже, на Рим! Нет, заверяю вас, мы окажем вам всяческую помощь.

– Крайне вам признателен, *signor questore*¹². Скотленд-Ярд был очень заинтересован в том, чтобы данная беседа состоялась.

– Я вас умоляю! Поверьте, это огромное удовольствие, – почти пропел комиссар полиции Вальдарно. Он обладал звучным голосом и внешностью актера большой оперы. Взгляд его смягчился, и от комиссара повеяло романтической меланхолией. Даже его шутки отдавали неминуемой катастрофой. Пост Вальдарно в римской полиции соответствовал, насколько сумел разобраться посетитель, посту старшего констебля. – Это такая большая честь для нас, мой дорогой суперинтендант, – продолжал он. – Мы сделаем все возможное, чтобы упрочить и без того сердечные отношения между нашей службой и вашим выдающимся Скотленд-Ярдом.

– Вы очень любезны. Разумеется, сама проблема наркотрафика, как мы оба знаем, находится в основном в ведении Интерпола, но так как в данный момент мы довольно тесно с ними связаны...

– Великолепно, – Вальдарно несколько раз кивнул.

– ...и поскольку этот человек, предположительно, является британским подданным...

Широким жестом комиссар полиции выразил сочувствие:

– Разумеется!

– ...в связи с его арестом может возникнуть вопрос об экстрадиции.

– Уверяю вас, мы не станем вас обманывать! – пошутил Вальдарно.

Посетитель послушно рассмеялся и протянул руку. Комиссар полиции пожал ее, а левой хлопнул высокого мужчину по плечу, как это делают представители романских народов, подтверждая свое дружеское расположение, и предложил пройти к парадному выходу.

На улице кучка молодых людей с плакатами воинственного содержания выкрикнула несколько оскорблений. Группа полицейских в эффектной форме затушила свои сигареты и

¹² Господин комиссар полиции (*итал.*).

двинулась к демонстрантам, которые с воплями отбежали на некоторое расстояние. Стражи порядка тут же остановились и снова закурили.

– Как глупо, – заметил по-итальянски Вальдарно, – и тем не менее проигнорировать это нельзя. Как все это неприятно. Вы найдете своего человека, мой дорогой коллега?

– Думаю, да. Его экскурсионная деятельность предлагает, похоже, наилучший способ подобраться к нему поближе. Я запишусь на одну из экскурсий.

– Ах-ах! Вы шутите! Вы большой шутник.

– Нет. Уверяю вас. Arrivederci.

– До свидания. Был очень рад. До свидания.

Закончив наконец разговор, проходивший в равной степени на итальянском и английском языках, собеседники по-дружески расстались.

Демонстранты отпустили несколько несвязных замечаний в адрес высокого англичанина, когда он проходил мимо них. Один из них скрипучим голосом крикнул: «Алло, добрый день!», другой заорал: «Родезия! Imperialismo!»¹³ и заулюлюкал, но третий громко произнес: «Molto elegante»¹⁴, и, очевидно, без сарказма.

Рим сверкал в весеннем утреннем воздухе. Сновали быстрые ласточки, рынки были завалены цветами, молодой зеленью и грудями дешевых товаров. Изумленному взгляду внезапно представляли грандиозные фасады, проплывали прячущиеся в тени очаровательные дворики и галереи, и голосами своих фонтанов переговаривались маленькие улочки. За монументальными порталами предлагали уроки истории наслоившиеся друг на друга века. Похоже на достижения римского кондитерского искусства, безо всякого почтения подумал высокий мужчина, современность, ренессанс, классика, митраистские постройки, одна под другой в едином великолепном, многослойном сооружении. Как увлекательно было бы прогуляться на Палатинский холм, где свежо пахнет молодой травой и мир и покой снисходят на богатое покрывало времени.

Вместо этого ему нужно было поискать туристическое бюро на какой-нибудь улице или в необыкновенно величественном отеле, куда поселил мужчину его лондонский отдел. Он шел к нему по Виа Кондотти и тут увидел окно, в котором были вывешены увеличенные фотографии с видами Рима. Агентство было знаменитым, и мужчина хорошо знал его отделение в Лондоне.

Войдя внутрь, мужчина заметил, что впечатляющий интерьер не стали портить стеллажами с брошюрами, и приблизился к изысканно одетому, но отнюдь не женоподобному молодому человеку, как видно, заведующему.

– Доброе утро, сэр! – Английский молодого человека был великолепен. – Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Надеюсь на это, – бодро отозвался мужчина. – Я приехал в Рим на несколько дней. И не хочу потратить их на несколько обзорных экскурсий, которые за минимальное время знакомят с максимальным количеством достопримечательностей. Знаменитыми видами я сыт по горло. В этот раз мне хотелось бы чего-то неспешного и цивилизованного, немного в стороне от проторенных туристических троп и все же... *римского* и познавательного в историческом отношении. Боюсь, я очень плохо объяснил.

– Напротив, – ответил молодой человек, пристально глядя на посетителя. – Я прекрасно понимаю. Вам подошел бы личный гид, но сейчас разгар сезона, сэр, и, боюсь, что по крайней мере в ближайшие две недели у нас нет никого, кого бы я действительно мог вам порекомендовать.

¹³ Империализм! (*итал.*)

¹⁴ Очень элегантно! (*итал.*)

– Кто-то говорил мне о каком-то агентстве под названием «Чичероне». Маленькие группы под руководством... не уверен, что я правильно запомнил его имя... Себастьяна как-то там? Вы не знаете?

Молодой человек еще внимательнее посмотрел на него и сказал:

– Странно... в самом деле, это такое совпадение, сэра, что вы упомянули «Чичероне». Неделю назад я мало что смог бы рассказать вам об этом агентстве. Разве что вряд ли назвал бы его известным. Действительно... – Он немного поколебался. – Прошу меня простить, сэра! Последние три года я работал в нашем лондонском отделении и не могу отделаться от мысли, что имел удовольствие обслуживать вас. Или по крайней мере видеть. Надеюсь, вы не обиделись, – торопливо добавил он. – Надеюсь, вы не сочтете это непростительной дерзостью: боюсь, что мне так и не удалось овладеть англосаксонскими манерами.

– Вы хотя бы овладели английским.

– О... это! Как же иначе после английского университета и всего остального.

– И у вас отличная память.

– Что ж, сэра, вы из тех людей, кого не так-то легко забыть. Тогда, возможно, я правильно думаю?..

– Вы заходили в кабинет управляющего на Джермин-стрит, когда там находился я. Года два назад. Вы пробыли в комнате около трех минут, в течение которых сообщили мне очень полезную информацию.

Молодой человек продемонстрировал выразительный и абсолютно итальянский жест, закончившийся хлопком по лбу.

– Ах-ах-ах! Мamma mia! Ну какой же я осел! – воскликнул он.

– Припоминаете? – осведомился высокий мужчина.

– Ну, конечно. Все! – Молодой человек отступил на шаг, с глубочайшим почтением взирая на посетителя.

– Хорошо, – проговорил тот, нимало не смущенный этим пристальным взглядом. – Вернемся теперь к этому агентству «Чичероне»...

– Ваши расспросы, сэра, касаются только отдыха?

– Почему нет?

– Действительно! Разумеется! Мне только интересно...

– Продолжайте. Что вам интересно?

– Нет ли здесь, возможно, профессиональной заинтересованности?

– А почему вам это интересно? Послушайте, синьор Паче... вас так зовут, не правда ли?

– У вас великолепная память, синьор.

– Синьор Паче. Возможно, есть что-то в этом предприятии или в человеке, который его контролирует, что заставляет вас думать, будто я могу заинтересоваться им – или этим человеком – не только как турист?

Лицо молодого человека порозовело, он посмотрел на свои стиснутые руки, окинул взглядом помещение, в котором не было других людей, и наконец ответил:

– Гид, о котором мы говорим, синьоре... мистер Себастьян Мейлер... является человеком определенной, или, возможно, следует сказать, *неопределенной* репутации. Ничего особенного, вы понимаете, но есть... – Он энергично пошевелил пальцами, – предположения. Рим очень располагает к предположениям.

– Да?

– Я сказал, что ваш вопрос о нем – замечательное совпадение. Это потому, что ранее сегодня он сюда заходил. Не в первый раз. Несколько недель назад он просил занести его в наши списки, но его репутация, внешний вид – все говорило в нашем понимании против его предприятия, и мы ему отказали. Затем сегодня утром он принес в качестве нового аргумента список своих клиентов. Просто поразительный список, синьор.

– Могу я его увидеть?

– Мы все еще его не приняли. Я... я не совсем...

– Синьор Паче, ваше предположение было верным. Мой интерес к этому субъекту профессиональный.

Молодой человек ахнул.

– Но мне крайне необходимо предстать обычным туристом. Я помню, что в Лондоне ваш шеф очень высоко отзывался о вашем благоразумии и задатках... задатках, которые, очевидно, получили свое развитие.

– Вы очень добры, сэр.

– Насколько я понимаю, через вас я не могу записаться в «Чичероне», но, наверное, вы можете указать мне...

– Я могу устроить это через другое агентство и рад буду это сделать. Что же касается списка клиентов, в данных обстоятельствах, думаю, у меня нет причин не показать его вам. Пройдите, пожалуйста, в кабинет. Пока вы его посмотрите, я забронирую для вас место.

Список, поданный синьором Паче, представлял собой разнесенный по дням перечень людей, записавшихся на экскурсии «Чичероне». Предварялся он общим объявлением, заставившим высокого мужчину удивленно сморгнуть: «При почетном участии прославленного писателя мистера Барнаби Гранта».

– Ну, это уж он через край хватил!

– Согласны? – подхватил синьор Паче, деловито набирая номер. – Не представляю, как он этого добился. Хотя... – Он прервался и учтиво проговорил в телефонную трубку: «Pronto? Chi parla?»¹⁵ И как бы в сторону: – Посмотрите на состав клиентов, синьор. В первый день, в субботу, двадцать шестого, к примеру.

Аккуратно написанный итальянизированным почерком список сообщал:

Леди Брейсли. Лондон

Достопочтенный Кеннет Дорн. Лондон

Барон и баронесса Ван дер Вегель. Женева

Майор Гамильтон Свит. Лондон

Мисс Софи Джейсон. Лондон

Мистер Барнаби Грант (почетный гость). Лондон

Еще немного поговорив, синьор Паче разразился потоком благодарностей и комплиментов и прикрыл трубку.

– Все устроено, – радостно сообщил он. – На любой день по вашему выбору.

– Сомнений нет – на первый. На субботу, двадцать шестое.

Этот вопрос, видимо, уладили. Синьор Паче положил трубку и повернулся на стуле.

– Интересный список, вы не находите? Леди Брейсли... какой шик!

– Можно и так сказать.

– Ну что вы, синьор! Возможно, у нее определенная репутация. То, что называется «сливки общества». Но с точки зрения туристической индустрии – высший шик. Огромный успех. Мы всегда занимаемся ее путешествиями. Разумеется, она необыкновенно богата.

– Совершенно верно. Одних алиментов сколько.

– Это верно, синьор.

– А достопочтенный Кеннет Дорн?

– Насколько я понимаю, ее племянник.

– А Ван дер Вегели?

¹⁵ Алло? Кто говорит? (итал.)

– Не имею никакого представления. Нашими услугами они никогда не пользовались. Так же, как и мисс Джейсон, и майор Свит. Но, синьор, поразительная деталь, по-настоящему удивительная, как говорится, удача для этой затеи – участие мистера Барнаби Гранта. А что, спрашиваю я себя, подразумевается под словами «почетный гость»?

– Думаю, «главная достопримечательность».

– Разумеется! Но чтобы он согласился! Одолжил свой огромный престиж для такой ничем не примечательной затеи. И, мы должны признать, уловка, очевидно, сработала.

– Вот уж не думал, что леди Брейсли сама по себе попала на интеллектуальную приманку.

– Синьор, он человек впечатляющий, красивый, знаменитый, престижный... Я правильно употребил слово «престижный»?

– На самом деле это означает, что он немного фокусник. Что в каком-то смысле, конечно, соответствует действительности.

– И следовательно, привлекателен для леди Брейсли. Или, по крайней мере, считается таковым.

– Может, вы и правы. Она, насколько я знаю, живет в моем отеле. Я слышал ее имя у стойки портье.

– Ее племянник, мистер Дорн, гостит у нее.

– Удачливый молодой человек! Возможно. Кстати, сколько стоят эти прогулки?

– По высшему разряду, а стало быть, чрезмерно дорого. Я бы сказал, до абсурда, но, как видите, отклик Мейлер нашел. Остается надеяться, что клиенты останутся довольны.

– В любом случае вы дали мне возможность составить собственное мнение. Я вам крайне обязан.

– Ну что вы! Итак, – проговорил бойкий синьор Паче, – давайте дополним наш список.

Он весело придвинул его к себе и сделал внизу приписку.

– Видите! – с игривым торжеством воскликнул он. – Я все помню! Звание! Написание фамилии!

– Если вы не против, забудем о звании и написании.

Посетитель зачеркнул слово «суперинтендант», чтобы дополнение выглядело так: Р. Аллейн, Лондон.

Глава 3. Суббота, двадцать шестое

I

С самого начала стало ясно, почему мистер Себастьян Мейлер заломил такую баснословную цену за свои экспедиции.

В три тридцать пополудни две роскошных «ланчии» подъехали к месту встречи у церкви Святой Троицы, а значит, в непосредственной близости от отеля, где проживали трое из клиентов мистера Мейлера.

Отсюда семеро гостей увидели перед собой апрельские азалии, ярко полыхавшие на Испанской лестнице, и Рим, внезапно открывшийся перед ними неоглядной панорамой.

Аллейн пришел раньше назначенного времени и видел, как подъехали автомобили. На лобовом стекле у них были маленькие таблички: «Чичероне». Из одного автомобиля вышел темноволосый импозантный мужчина, в котором Аллейн сразу же узнал Барнаби Гранта, а из другого появился человек, ради которого он и пришел: Себастьян Мейлер. Со времени своей последней встречи с Барнаби Грантом он приоделся и щеголял в костюме, возможно, из шерсти альпака. В сочетании с неуклюжими черными туфлями он придавал ему какой-то сомнительно-клерикальный вид, и Аллейну пришел на ум Корво¹⁶, и подумалось, не окажется ли этот человек еще одним таким деятелем. Белая шелковая рубашка была чистой, а черный галстук-бабочка выглядел новым. В этот раз Мейлер прикрыл свою стриженую голову черным беретом и больше не походил на англичанина.

Аллейн держался в стороне, среди туристов, которые толклись вокруг и фотографировались. Он обратил внимание, что Себастьян Мейлер говорил оживленно, с полуулыбкой, а Грант отвечал скупо или вообще отмалчивался. Он стоял к Аллейну спиной, и его затылок, казалось, источал негодование. «Похож, – подумал Аллейн, – на затылок человека, который обучается вождению. Скованного, сердитого и полного страха».

К автомобилям подошла молодая женщина, заметила Мейлера и направилась к нему. От девушки исходило какое-то сияние. Мисс Софи Джейсон, отметил про себя Аллейн. Он видел, как она быстро глянула на Барнаби Гранта. Мейлер слегка потянул себя за берет, чуть поклонился и представил ее. Держалась девушка застенчиво, но отнюдь не неловко: на самом деле, с большим обаянием. Тем не менее она сказала Гранту что-то смутившее его. Он недовольно взглянул на девушку, очень коротко ответил и отвернулся. Девушка мучительно покраснела.

Эта краткая и выразительная сцена была прервана прибытием двух, можно сказать, великанов, обвешанных холщовыми сумками и дорогими камерами, – мужчины и женщины. Ван дер Вегели, заключил Аллейн и, как и Барнаби Грант прежде, поразился их схожести друг с другом и странно архаичным лицам. Они были одеты хорошо, но немодно: лен, громадные туфли на толстой каучуковой подошве и холщовые пиджаки. На головах – благоразумно широкополые шляпы, на глазах – одинаковые солнцезащитные очки в розовой оправе. Пара горячо поздоровалась, и видно было, что они встречались с Грантом раньше. «Почему у вас такие большие руки и ноги, барон и баронесса?» – подумал Аллейн.

Леди Брейсли и ее племянник все еще не появились. Без сомнения, как раз в их духе заставлять ждать всю группу. Аллейн решил, что настало время ему появиться, и так и поступил, держа в руке билет.

¹⁶ *Барон Корво* – псевдоним английского поэта, прозаика, переводчика Фредерика Уильяма Рольфа (1860–1913).

Голос у Мейлера оказался как раз таким, как и предполагал Аллейн: довольно певучий, как флейта, и не очень низкий. Неважный цвет лица, легкая дрожь в руках. Но играл он свою роль с большим мастерством: нужная степень учтивости и уверенности в себе, дающая основание предполагать, что все пройдет на высочайшем уровне.

– Как я рад, что вы присоединились к нам, мистер Аллейн, – приветствовал Себастьян Мейлер. – Прошу познакомиться с остальными. Могу я представить...

Барон и баронесса поздоровались сердечно. Грант посмотрел на него пристально, кивнул, похоже, с неловким сочетанием неохоты и хороших манер и спросил, хорошо ли он знает Рим.

– В сущности, совсем не знаю, – ответил Аллейн. – Я приезжал всегда на три-четыре дня и заядлым туристом не являюсь.

– Нет?

– Нет. Я хочу, чтобы все происходило само собой, и, боюсь, в ожидании этого просиживаю слишком много времени за столиком в кафе, и ничего, разумеется, не происходит. Но кто знает? В ближайшие дни небеса могут разверзнуться, и на меня обрушится большая драма.

Позднее Аллейн считал эту фразу самой удачной за всю свою карьеру. Но в тот момент он был просто поражен странной реакцией на нее Барнаби Гранта. Писатель переменялся в лице, бросил на Аллейна полный тревоги взгляд, открыл рот, закрыл его и наконец, абсолютно безо всякого выражения, произнес: «О».

– Но сегодня, – продолжал Аллейн, – я надеюсь улучшить свое состояние. Мы, случайно, не посетим какое-нибудь из мест, связанных с вашим Саймоном? Это было бы очень славно.

Снова Грант как будто хотел заговорить и снова заколебался. После явно неловкой паузы он сказал:

– На этот счет есть кое-какие мысли. Мейлер объяснит. Прошу меня извинить.

Он отвернулся. «Ладно, – подумал Аллейн. – Но если тебе так все это ненавистно, какого черта ты в этом участвуешь?»

Он перешел к Софи Джейсон, стоявшей в сторонке и, похоже, обрадовавшейся его компании. Мы все слишком стары для нее, подумал Аллейн. Возможно, нужным требованиям удовлетворит племянник леди Брейсли, но сомнительно. Он вовлек Софи в разговор и отметил, что это милая, умная девушка, щедро наделенная обаянием. Она отлично смотрелась на фоне азалий, Рима и великолепного неба.

Очень скоро Софи уже рассказывала Аллейну о своей подруге, внезапно потерявшей отца, о том, что она впервые в Риме, о счастливой случайности с освободившимся местом и, наконец, о своей работе. Просто поразительно, вдруг подумала Софи, как много она поверяет этому спокойному и внимательному незнакомцу. И почувствовала, что краснеет.

– Не представляю, почему я все вам выкладываю! – воскликнула она.

– Это вы делаете мне одолжение, беседуя со мной, – успокоил ее Аллейн. – Только что меня не сказать чтобы оттолкнул, но слегка отодвинул почетный гость.

– Не сравнить с тем, как он меня отшил! – одними губами проговорила Софи. – Мне до сих пор не по себе.

– Но... разве он не один из авторов вашего издателя?

– Он наша большая двустолка. Глупо было напоминать ему, что мой начальник нас знал. Можно подумать, я ему яду предложила.

– Как это странно с его стороны.

– Очень похоже на пощечину. Раньше он казался таким мягким и приветливым, и в нашей конторе его считают милым человеком. А мы не запаздываем с началом? Мистер Мейлер поглядывает на часы.

– Майор Свит опаздывает на двадцать минут, и леди Брейсли, и почтенный Кеннет Дорн тоже. Они живут в... – Он замолчал. – А вот, по-моему, и они.

И действительно, они подошли, и мистер Мейлер, сняв берет, с торжественным видом шагнул им навстречу.

Аллейну стало интересно первое впечатление о них Софи Джейсон. Несмотря на всю ее манеру держаться и очевидный ум, он сомневался, что она когда-либо встречалась с людьми, подобными Соне Брейсли. О Соне Брейсли Аллейн знал очень многое. Свою жизнь она начала как уважаемая Соня Дорн и была дочерью пивного магната, дети которого в общем и целом закончили катастрофически. Много лет назад Аллейну довелось встретиться с ней, когда он навещал своего старшего брата Джорджа, посла, в одной из его служебных резиденций. Уже тогда эта женщина обладала, по выражению брата Аллейна, которого тот снисходительно считал тем еще ослом, «определенной репутацией». С течением времени репутация эта упрочилась.

– Она испытала все, – важно съязвил сэр Джордж, – кроме нужды.

При взгляде на нее теперь в это легко было поверить. Ее выдают ноги, подумал Аллейн. Больше, чем ненадежная маска лица, или дряблые подмышки, или предательская шея. Все дело в ногах. Хотя чулки обтягивали их плотно, как кожа, казалось, что они сейчас обвиснут на этих хрупких, длинных и тощих ногах, а уж как неуверенно держала она равновесие, вышагивая в золотистых сандалиях из лайки. Все дело в ногах.

Но и лицо не слишком радовало. Даже если отвлечься от кругов под глазами и самих глаз, оставался ужасно вялый рот. Накрашенный модной бледной помадой, он с таким же успехом мог быть алым: рот престарелой менады¹⁷.

Племянник обладал отдаленным сходством с ней. Аллейн вспомнил, что его отец, второй лорд Дорн, быстро развелся с двумя первыми женами и что третью – мать Кеннета, – как выразился Джордж, «изолировали». Не очень-то веселое начало, с сочувствием подумал Аллейн и прикинул: могло бы хоть сколько-то помочь Кеннету Дорну старое средство – «живи на фунт в день и заработай его»?

Пока они приближались, Аллейн заметил, что молодой человек смотрел на Мейлера со смесью, кажется, тревоги, хитрости и, возможно, подострастия. Он был беспокойным, изжелта-бледным, лоб покрыт испариной. Когда Мейлер представил Дорна и тот протянул, здороваясь, руку, ладонь оказалась холодной, влажной и дрожащей. На плече у него, довольно неожиданно, висела фотокамера.

Его тетка тоже пожалала Аллейну руку. Ее обтянутые замшевыми перчатками пальцы сжались, мгновение оставались в этом положении и медленно разомкнулись. Леди Брейсли пристально посмотрела Аллейну в глаза. Значит, она по-прежнему, ужаснулся он, пытается соблазнять мужчин.

– Как весело, не правда ли? – произнесла она. Голос у нее был красивый.

Рядом с ней возник Мейлер, ведущий за собой Гранта.

– Леди Брейсли, могу я вам представить? Наш почетный гость – мистер Барнаби Грант.

Она улыбнулась:

– Вам известно, что вы – единственная причина, по которой я попала в эту компанию? Даже с помощью табуна диких лошадей Кеннет не затащил бы меня осматривать достопримечательности в такой отвратительный час. Вы моя «достопримечательность».

– Не знаю, что на это и ответить, – быстро произнес Грант. – Разве что, я уверен, церковь Сан-Томмазо в Палларии вознаградит вас гораздо больше.

– Мы туда едем? На *руины*? – осведомилась она, широко распахнув глаза и растягивая слова. – Не могу выразить, как я ненавижу ру-и-ны.

Последовала, возможно, секундная пауза, а затем Грант пояснил:

– Это не совсем руины. Это... что ж, вы увидите, когда мы туда доберемся.

¹⁷ В древнеримской мифологии – жрица Вакха, в переносном значении чувственная, сладострастная женщина.

– Они фигурируют в вашей книге? Я прочла вашу книгу – ту, про Саймона, – а это большой комплимент, если бы вы только знали, потому что вы пишете книги совсем не в моем вкусе. Не обижайтесь. Эта мне очень понравилась, хотя я так и не поняла, о чем она. Вы мне объясните. Кеннет пытался, правда, дорогой, но у него получилось еще более запутанно, чем в книге. Мистер Аллейн, идите сюда и скажите мне... вы читали последнюю вещь Барнаби Гранта, и если читали, поняли, о чем она?

От необходимости ответить Аллейна спасло вмешательство Себастьяна Мейлера, который с лихорадочным возбуждением попытался пошутить, но его стараний не оценили. Когда он игриво проговорил: «Леди Брейсли, как это нехорошо с вашей стороны. Я совершенно уверен, что от вас не ускользнула последняя деликатная подробность “Саймона в Лации”», она лишь откликнулась: «Что?» – и отошла, прежде чем Мейлер успел ответить ей.

К знакомству с бароном и баронессой леди Брейсли отнеслась рассеянно.

– Разве не пора ехать? – обратилась она к Аллейну и Гранту. – Вам что, нравится здесь торчать? Какая скука, вы не находите? Кого нет?

В ответ на этот холодно заданный вопрос Себастьян Мейлер объяснил, что майор Свит присоединится к ним в базилике, и далее изложил программу на вечер. Они объедут вокруг Колизея и Форума, а затем посетят базилику Сан-Томмазо в Палларии, где, как все они знают, разворачивается действие главной сцены чрезвычайно успешного романа мистера Барнаби Гранта «Саймон в Лации». Он уговорил знаменитого писателя сказать несколько слов о базилике в связи с его книгой, на создание которой эта церковь во многом его вдохновила.

Во время этой речи Барнаби Грант, как заметил Аллейн, испытывал самую мучительную неловкость. Он уставился в землю, ссутулился, порывался уйти, но по ему одному известной причине с самым несчастным видом оставался на месте.

Мистер Мейлер закончил на том, что, поскольку день восхитительно мягкий, завершат они его чайным пикником на Палатинском холме. Затем гостей развезут по гостиницам, чтобы они отдохнули и переоделись к ужину, и заберут в девять часов.

Теперь он распределил гостей по машинам. Он, леди Брейсли, Аллейн и Барнаби Грант поедут в одном автомобиле, Ван дер Вегели, Софи Джейсон и Кеннет Дорн – в другом. Представил водителя второй машины.

– Джованни хорошо говорит по-английски, – сообщил мистер Мейлер, – и знаток истории. По дороге он расскажет вам о достопримечательностях. Итак, дамы и господа, – пригласил мистер Мейлер, – пора в дорогу. Pronto!¹⁸

II

Четыре арки крыльца церкви Сан-Томмазо в Палларии имеют скромные пропорции, их стройные колонны, украшавшие в античные времена какой-нибудь языческий храм, несут на себе следы времени. Завитки, которыми покрыл их ваятель, во многих местах отвалились, но они настолько нежны и изящны, что кажется, будто камень трепещет. В самом затененном уголке крыльца сидела женщина с лотком открыток: надвинутый на лицо черный головной платок, сама одета в черное хлопчатобумажное платье. Она что-то выкрикнула – очень резко, кажется, мистериу Мейлеру. Хотя ее слова походили на брань, Мейлер не обратил на нее никакого внимания.

Он собрал свою группу вокруг себя и взглянул на часы.

– Майор Свит опаздывает, – сказал он. – Не станем его ждать, но, прежде чем мы войдем внутрь, мне бы хотелось дать вам короткое представление об этом необыкновенном памятнике. В четвертом веке до Рождества Христова...

¹⁸ Здесь: не будем мешкать! (итал.)

Из темного внутреннего пространства выскочил разъяренный господин.

– Самый натуральный, гнусный обман! – кричал он. – Какого черта... – Он резко остановился, увидев группу, и прищурил метавшие молнии глаза, разглядывая собравшихся.

У него были жесткие седые усы, и он походил на невероятным образом ожившего воина эдвардианской эпохи¹⁹.

– Вы Мейлер? – гаркнул он. – Свит, – добавил господин в качестве объяснения.

– Майор Свит, позвольте мне...

– Вы опоздали на сорок три минуты. На сорок три минуты!

– К сожалению...

– Избавьте меня, – взмолился майор Свит, – от лицемерных оправданий. Непунктуальность ничем не оправдать.

– Это *целиком* моя вина, майор, – вступила в разговор леди Брейсли. – Я заставила всех ждать, и оправданий у меня нет: у меня никогда их нет, и я всегда так поступаю. Осмелюсь сказать, вы назвали бы это «дамской привилегией», не так ли? Или нет?

На две или три секунды майор Свит задержал гневный взгляд своих голубых глаз на леди Брейсли. Затем рывкнул: «Как поживаете?» – и, похоже, стал ждать развития событий.

Проявляя идеальную учтивость, мистер Мейлер представил собравшихся майору Свиту. Тот слегка поклонился дамам и что-то буркнул мужчинам.

– Итак, – сказал мистер Мейлер, – вернемся к нашей теме. Когда мы войдем в базилику, я передам вас нашему выдающемуся почетному гостю. Но прежде, возможно, вам не помешает краткая историческая справка.

Софи нехотя признала, что он лаконичен и компетентен. Базилика Сан-Томмазо, рассказывал Мейлер, принадлежит к группе памятников Рима, в которых посетители могут спуститься вниз сквозь века в эпоху митраистского культа. Здесь, на верхнем уровне, где они сейчас стояли, находилась базилика двенадцатого века, построенная на месте раскопанной церкви третьего века.

– А под ней – только представьте, – сказал мистер Мейлер, – лежит, спящий более восемнадцати столетий дом эпохи Флавиев²⁰ – классическая «резиденция джентльмена» с собственным храмом, посвященным богу Митре.

Он помолчал, и Софи, хотя она смотрела на него с глубочайшей неприязнью, подумала: «Ему интересно то, о чем он говорит. Он знает свое дело. Он получает от этого удовольствие».

Мистер Мейлер продолжал, коротко описав грандиозную работу археологов девятнадцатого века, которые раскопали первую, более раннюю базилику, а затем, глубоко под ней, – языческое домовладение.

– С тех времен Рим поднялся примерно на шестьдесят футов, – закончил он. – Вас это не поражает? Меня поражает всякий раз, когда я об этом подумаю.

– А меня – нет, – объявил майор Свит. – Меня ничто не поражает. Кроме человеческого легковерия, – мрачно добавил он. – Однако!

Мистер Мейлер с беспокойством глянул на него. Софи подавила смешок и поймала взгляд Барнаби Гранта, в котором светилось что-то вроде признательности. Леди Брейсли, не обращая внимания на сказанное, переводила опустошенный взгляд с одного мужского лица на другое. Стоявшие бок о бок Ван дер Вегели внимательно слушали. Кеннет Дорн, заметила Софи, не находил себе места и казался озабоченным. Он переминался с ноги на ногу и вытирал лицо носовым платком. А высокий мужчина, как же его зовут – Аллейн? – с вежливым вниманием слушал, стоя немного в стороне, и, подумалось Софи, ничего не упустил.

– Итак, – объявил мистер Мейлер, – начнем наше путешествие в прошлое!

¹⁹ Период правления короля Эдуарда VII с 1901 по 1910 год.

²⁰ 69–96 гг., время очень оживленного строительства.

Женщина с открытками незаметно встала между группой и входом. Лица, затененного черным платком, она не поднимала. И почти неслышно бормотала: «Cartoline? Открытка для почта?», продвигаясь к Себастьяну Мейлеру.

– Внутри есть получше, – громко объявил он группе. – Не обращайтесь внимания. – И шагнул вперед, минуя женщину.

С необыкновенной быстротой она сдвинула платок на затылок и прошептала в самое лицо Мейлеру: «Brutto! Farabutto! Traditore!»²¹ – и добавила, кажется, поток ругательств. Глаза ее горели. Губы растянулись в улыбке, а затем сжались. Сейчас она плюнет ему в лицо, в тревоге подумала Софи, и женщина так и сделала, но мистера Мейлера не так-то просто было застать врасплох. Он увернулся, и она плюнула ему вслед и осталась стоять на своем месте с видом мегеры из большой оперы. Она даже издала хриплый жуткий смешок. Мистер Мейлер вошел в базилику. Его смущенное стадо разделилось, обходя продавщицу открыток, и проскользнуло вслед за ним.

– Кеннет, дорогой, – пробормотала леди Брейсли. – В самом деле! Это не назовешь веселым маленьким путешествием!

Софи оказалась между Барнаби Грантом и Аллейном.

– Эту особу привлекли, – поинтересовался Аллейн у Гранта, – для дополнительного колорита? Она постоянно так делает или это эффектная случайность?

– Я ничего о ней не знаю, – сказал Грант. – Ненормальная, наверное. Противная старая ведьма, правда?

И Софи подумала: «Да, но на вопрос он не ответил».

Она обратилась к Аллейну:

– Вы полагаете, что весь этот переполох, в переводе на англосаксонский темперамент, означает не больше прохладного взгляда и вздоха сквозь зубы?

Грант посмотрел на нее из-за Аллейна и с некоторым пылом произнес:

– Пожалуй! Нужно делать скидку на их склонность к драме.

– Довольно-таки чрезмерную в данном случае, – холодно отозвалась Софи, мысленно платя резким замечанием за ту отповедь при встрече у Испанской лестницы.

Грант передвинулся к ней и поспешно сказал:

– Я теперь знаю, кто вы. Только сейчас вспомнил. Мы встречались в «Костер-пресс», не так ли?

«Костер-пресс» было названием его лондонского издательства.

– Всего на минуту, – ответила Софи и тут же воскликнула: – О, как же здесь красиво!

Они стояли в базилике.

Ее интерьер ослепительно сиял, словно сам излучал свет. Базилика сверкала красками: «средиземноморский» красный, чистый розовый, голубой и зеленый; мрамор цвета слоновой кости и пунцовый: мерцающая золотая мозаика. И господствующий в этом состязании цветов великолепный ярко-алый – живой фон римских и помпейских фресок.

Отделившись от группы, Софи с удовольствием любовалась этим очарованием. Оставленный с Аллейном Грант вдруг подошел к ней.

– Мне нужно об этом поговорить, – пробормотал он. – Видит бог, как мне этого не хочется.

Софи коротко глянула на него.

– Тогда зачем это делать? – поинтересовалась она.

– Вам кажется, что я играю. Простите.

– На самом деле, какая разница, о чем я думаю.

– Вам совсем не обязательно быть такой резкой.

²¹ Негодяй! Мошенник! Предатель! (*итал.*)

Они в изумлении уставились друг на друга.

– Я ничего не понимаю, – неожиданно произнес Грант. – Я вас не знаю.

И Софи в панике отозвалась, запинаясь:

– Ничего страшного. Это меня не касается. Мне жаль, что я резко вам ответила.

– Ну что вы.

– А теперь, – пропел Себастьян Мейлер, – я передаю слово моему прославленному коллеге – мистеру Гранту.

Грант с чрезвычайно сердитым видом слегка поклонился Софи и встал лицом к своей аудитории.

Начав рассказ, он тоже выполнял свои обязанности хорошо и с большим обаянием, какого был лишен мистер Мейлер. Во всяком случае, признала Софи, Грант намного приятнее. Его угловатое лицо было по-настоящему красиво вылеплено и обладало поистине средневековой чеканностью, которая прекрасно вписывалась в окружающую обстановку. Грант провел их в глубь сияющей церкви. Там находились еще две-три группы туристов, но по сравнению с потоком в самых знаменитых местах здесь посетителей было мало.

Грант объяснил, что даже на этом, самом последнем из трех уровней церкви Сан-Томмазо последовательность времен представлена очень богато. Когда в двенадцатом веке старинную церковь внизу засыпали, ее сокровища, включая предметы из языческого домовладения под нею, перенесли в эту новую базилику, поэтому теперь античные, средневековые и ренессансные работы смешались.

– Они давно уже дружат, – сказал Грант, – и сблизилась в процессе. Вы можете видеть, как хорошо они друг с другом сочетаются.

– Это случается и на домашнем уровне, – заметил Аллейн, – вам не кажется? В домах, которые в течение многих поколений принадлежат одной семье? Своего рода созвучие различий.

– Совершенно верно, – согласился Грант, быстро глянув на Аллейна. – Пройдемте дальше.

Волна аромата возвестила о появлении рядом с Аллейном леди Брейсли.

– Как великолепно вы это выразили, – пробормотала она. – Как вы умны.

Ее худая ладонь в лайковой перчатке коснулась его руки. Склонив голову, леди Брейсли смотрела на Аллейна. Наблюдавшей за ними Софи показалось, что на его лицо будто упал занавес, и действительно, на Аллейна накатила волна отвращения, жалости и ощущение безысходности. «Будь я проклят, – подумал он, – если стану добычей этой дамы».

С другой стороны к леди Брейсли подошел Себастьян Мейлер, что-то пробормотав. Снова говорил Грант. Ладонь покинула руку Аллейна, и парочка, развернувшись, скрылась из поля зрения за стыком двух пилястров. Интересно, пришел ли Мейлер ему на выручку, размышлял Аллейн, или ему просто нужно сообщить леди Брейсли нечто конфиденциальное?

Грант провел свою группу в центр нефа мимо отгороженной *schola cantorum*²², рассказывая, думала Софи, не слишком много и не слишком мало, но все – хорошо. Сама она в изумлении взидала на золотую мозаику, покрывавшую вогнутую внутреннюю поверхность апсиды. Акант и лоза нежно переплетались, включая маленькие группки простых людей, занимавшихся своими средневековыми делами. Крест, каким бы господствующим он ни был, вырастал, казалось, из какого-то дохристианского дерева.

– Об апсиде я ничего не скажу, – заметил Грант. – Она говорит сама за себя.

Снова появились Мейлер и леди Брейсли. Она села на скамью на клиросе, и то ли из-за случайного освещения, то ли из-за одолевшего ее изнеможения, которое неожиданно наваливается на старых людей, выглядела так, будто еще больше усохла за своим ненадежным фаса-

²² Певческая школа (лат.).

дом. Но только всего на мгновение. Она выпрямила спину и поманила племянника, который беспокойно топтался с краю группы, проявляя и внимание, и нетерпение. Он подошел к тетке, и они пошептались, он – зевая и ерзя, она – с явным возбуждением.

Компания стала обходить базилику. Ван дер Вегели фотографировали и задавали массу вопросов. О римских древностях они знали очень много. Теперь барон с лукавым видом начал расспрашивать о конкретных подробностях, весьма живо отображенных в романе Гранта. Не стоят ли они в эту самую минуту на том месте, где собрались персонажи? Нельзя ли в точности пройти по пути, которым они следовали во время той чудесной кульминационной сцены?

– О-о-о-ах! – восторженно вскричала баронесса. – Это будет так захватывающе! Да?

Грант отреагировал на ее мольбу так же, как и на предыдущие разговоры: со сдерживаемым отвращением. Резко глянул по очереди на Софи и Аллейна, метнул на Себастьяна Мейлера взгляд, полный, пожалуй, неподдельной ненависти, и смущенно заметил, что автор редко в точных деталях воспроизводит действительную мизансцену, не больше чем использует подлинный человеческий материал.

– Я не хочу сказать, что не отталкивался от Сан-Томмазо, – обратился он к Софи. – Разумеется, отталкивался. Но я дал церкви другое название и изменил ее в соответствии со своим замыслом.

– Поскольку вы имели полное право так поступить, – дерзко вставила Софи, и Аллейн подумал, что на мгновение эту пару объединила общая сфера деятельности.

– Да, но все же покажите нам, – попросила леди Брейсли. – Не будьте гадким. Покажите нам. Вы обещали. Вы же знаете, что обещали.

– Разве мы не для этого пришли? – поддержал ее Кеннет Дорн. – Или нет? Я думал, что вы и есть главная достопримечательность.

Он приблизился к Гранту и встал, приняв элегантную позу – левую руку вытянул вдоль перегородки певческой школы, а правой – подбоченился. Поза была не вульгарной, но все равно откровенной, и по крайней мере с одной стороны Кеннет теперь раскрылся. Он посмотрел на Гранта, чуть расширив глаза.

– Разве это не распродажа? – спросил он. – Или я что-то напутал? Или я просто дерзко себя веду?

У майора Свита вырвалось, мгновенно подавленное, яростное ругательство.

– Прошу прощения! – выкрикнул он и со злостью уставился на фреску с изображением неразумных дев²³.

– О боже, – проговорил Кеннет, по-прежнему обращаясь к Гранту. – Теперь рассердился майор. Что я такого сказал?

Он снова зевнул и промокнул лицо носовым платком. Грант окинул его понимающим взглядом.

– Ничего особенного, – коротко ответил он и отошел в сторону.

В образовавшуюся брешь устремился мистер Мейлер.

– Вот озорник! – бросил он Кеннету, а затем, оправдывая Гранта в глазах своих обескураженных клиентов, сказал, что тот невероятно скромен.

Леди Брейсли, как и Ван дер Вегели, горячо поддержала это мнение. Оборвав их громкие восторги, Грант с огромным усилием, как показалось Аллейну, принял живой и деловитый тон и возобновил свое выступление.

– Разумеется, – сказал он, – если вы действительно хотите увидеть места, которые соотносятся с книгой, я с удовольствием их вам укажу. Хотя, думаю, если вы ее читали, то они сами со всей очевидностью заявляют о себе. Например, в боковом нефе справа находится картина,

²³ Пять дев, не попавшие на брачный пир, из притчи о десяти девах (см. Евангелие от Матфея, гл. 25, стихи 1–13).

которой так восхищался Саймон, да и, позволю добавить, я сам. «Сомнение святого Фомы» кисти Мазолино да Паникале. Посмотрите на этот розовый цвет и «помпейский» красный.

– Классно! – нервно бросил Кеннет. – Чистая психоделика, а?

Грант проигнорировал его слова.

– Он так сомневается, – обратился он к Софи, – вы видите? Голова склонена набок, губы поджаты, а эти напряженные пальцы! Как хорошо, что та громадная больница в Лондоне названа его именем – он до мозга костей ученый, как вам кажется?

Себастьян Мейлер пронзительно хихикнул с одобрением, возможно, от удивления.

– Пока мы находимся в этом приделе базилики, – продолжил Грант, проведя группу немного вперед, – вам, возможно, захочется увидеть то, что, боюсь, я целиком вставил в свою книгу.

Он показал им огороженное перилами место размером примерно шесть футов на три. Тут же послышались возгласы узнавания.

Внутри ограды находилось открытое прямоугольное отверстие, похожее на колодец. К перилам была прикреплена табличка, на пяти языках гласившая, что взбираться на них строго запрещено.

– Прислушайтесь, – призвал Грант. – Слышите?

Они замерли. В тишину вплетались отдельные голоса других туристов, ходивших по базилике, голос гида в атриуме, шаги по мрамору и отдаленный гул римских улиц.

– Прислушайтесь, – повторил Грант, и некоторое время спустя снизу, из-под их ног, поднялся едва слышимый поначалу, но вскоре заявивший о себе звук текущей воды, ровный, бормочущий голос, сложный и непрерывный.

– Большая клоака? – требовательно осведомился майор.

– Текущий в нее чистый поток, – ответил Грант. – На глубине более шестидесяти футов под нами. Если вы перегнетесь через перила, то сможете увидеть, что непосредственно под этим отверстием есть такое же другое, в полу более ранней церкви. А еще на тридцать футов глубже, неразличимое для нас, если только не посветить фонариком, находится третье отверстие, а уж еще дальше *под ним*, если опустить фонарик, можно увидеть поток, который мы слышим. Возможно, вы помните, что именно отсюда Саймон бросил вниз камешек и тот сквозь века упал в скрытые воды.

Ван дер Вегели разразились возбужденными комментариями.

Грант, с теплотой сообщили они ему, вывел в своей книге целый комплекс образов, основываясь на этом волнующем феномене.

– По мере все более глубокого проникновения в суть личности Саймона... – все не унимались они, разъясняя произведение его автору.

Аллейн, который романом восхищался, подумал, что они, вероятно, правы, но чересчур настойчиво вторгаются, по существу, в деликатный мыслительный процесс.

Грант весьма успешно скрывал какое бы то ни было смущение. Внезапно барон и баронесса одновременно рассмеялись и стали громко извиняться. Какая нелепость! Какая дерзость! Что это, в самом деле, на них нашло!

На протяжении всего этого инцидента майор Свит разглядывал Ван дер Вегелей, подняв брови и слегка ворча. Софи, подавляя нестерпимое желание захихикать, обнаружила, что за ней наблюдают Аллейн и Грант, а леди Брейсли переводила безжизненный взгляд своих огромных глаз с одного мужчины на другого, готовая поддержать любое настроение, какое сможет уловить.

Очень сильно перегнувшийся через перила Кеннет вглядывался в глубину.

– Я смотрю вниз сквозь века, – заявил он. Его голос искажался, будто при разговоре в громадный мегафон. – Бум! Бум! – крикнул он, и далеко внизу отозвалось эхо. – Там внизу

призрак, клянусь, – грянул Кеннет, а потом: – О боже! – Он выпрямился, и все увидели, что он болезненно побледнел. – Я забыл, у меня аллергия на высоту. Какое отвратительное место!

– Пойдем дальше? – спросил Грант.

Себастьян Мейлер повел их в притвор храма, где находился обычный магазин, торговавший открытками, безделушками и цветными слайдами. Здесь он предъявил входные билеты для посещения нижних отделов церкви Сан-Томмазо.

III

Первый спуск представлял собой два пролета каменных ступеней с площадкой между ними. Воздух был свежий, сухой и пахнул только камнем. На площадке висела карта подземных помещений, и Мейлер указал на нее:

– Еще одна есть внизу. Попозже кто-нибудь из вас захочет там побродить. Заблудиться вы никак не сможете, а если вам все же покажется, что вы заблудились, поднимайтесь вверх по любой лестнице, которая вам попадется, и рано или поздно вы окажетесь здесь. Очень красивые, правда?

Он привлек их внимание к двум очаровательным колоннам, покрытым, словно кружевом, резными побегами вьюнка.

– Языческие, – проворковал мистер Мейлер, – восхитительно языческие. Извлеченные оттуда, где так гармонично смотрелись – из дома эпохи Флавиев внизу, старательными служителями Ватикана. На присвоение церковью разного имущества можно посмотреть со многих и разных точек зрения, не так ли?

Майор Свит изумил своих спутников согласным и одобрителем фырканьем.

Мистер Мейлер улыбнулся и продолжил:

– Прежде чем мы спустимся... оглянитесь, дамы и господа, назад.

Они обернулись. В двух нишах в стене позади них стояли терракотовые статуи: одна изображала мужчину, курчавого и улыбающегося, другая – высокую женщину с поврежденным ребенком на руках. Они были великолепно подсвечены снизу и, казалось, внезапно ожили в этот момент.

– Считается, что это Аполлон, – сказал мистер Мейлер, – и, предположительно, Афина. Разумеется, этрусские. Но эти архаичные улыбки – греческие. Греки, знаете ли, презирали этрусков за их жестокость в сражениях, и кое-кто усматривает жестокость в этих перенесенных на этрусские рты улыбках. – Он повернулся к Гранту: – Вы, мне кажется... – начал он и умолк. Грант пристально смотрел на Ван дер Вегелей с напряжением, которое передалось остальным.

Супруги стояли бок о бок, любуясь статуями. Уже подмеченная Грантом схожесть этой пары с этрусской терракотовой скульптурой с Виллы Джулия потрясающим образом проявилась здесь. Их лица казались зеркалами, в которых Аполлон и Афина улыбались своему отражению. Острые уголки улыбающихся губ, выпуклые глаза и та почти сверхъестественная живость – все вместе, подумал Аллейн.

Очевидно было, что вся компания поражена этим сходством, за исключением, возможно, леди Брейсли, которую Ван дер Вегели не интересовали. Но никто не отважился сказать об этом вслух, кроме Себастьяна Мейлера, который со странной ухмылкой пробормотал как бы про себя:

– Очень интересно. Оба.

Ван дер Вегели, возившиеся с камерами, кажется, не услышали его, да и никто из остальных, почти не сомневался Аллейн. Барнаби Грант уже вел их вниз по лестнице в церковь, которая в течение полутора тысяч лет была погребена под землей.

При ее раскопках были сооружены несколько стен, арок и колонн, чтобы поддержать новую базилику над ней. Сейчас древняя церковь, если не считать оригинальной апсиды, пред-

ставляла собой сочетание низких и узких проходов, густых теней и эха. Всякий раз, когда группа замолкала, явственно слышался шум подземного потока. Через определенные промежутки помещение умело подсвечивалось, так что из темноты выплывали странные лица с большими глазами: стенная роспись сохранилась в течение своего долгого сна благодаря плотно лежавшей земле.

– Воздух повредил им, – проговорил Барнаби Грант. – Они постепенно тускнеют.

– Им нравилось задыхаться, – подал откуда-то сзади голос Себастьян Мейлер и тихонько хихикнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.